

Игра в большинстве

Автор:

Даниэла Стил

Игра в большинстве

Даниэла Стил

Власть, могущество, превосходство – вот основа успеха.

Сила, решительность, бесстрашие – три качества, при помощи которых восходят на вершину этого успеха.

Фиона Карсон и Маршалл Уэстон оба достигли вершины. Но если Фиона, одинокая женщина с двумя детьми, не задумываясь, жертвует женским счастьем ради работы и материнства, то Маршалл буквально наслаждается жизнью, балансируя на грани грандиозного скандала. Казалось бы, они совершенно разные. Однако вездесущая пресса, только и ждет удобного момента, чтобы запустить когти в личную жизнь не только легкомысленного Маршалла, но и безупречной Фионы...

Даниэла Стил

Игра в большинстве

Моим любимым детям Беатрикс, Тревору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Макс и Заре

Пусть жизнь преподносит вам только приятные сюрпризы; пусть окружающие будут добры и честны с вами, а если придется делать выбор – пусть он будет правильным.

Благослови вас Бог, и пусть ваша жизнь будет счастливой.

Я люблю вас всем сердцем.

Мама

Danielle Steel

POWER PLAY

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Danielle Steel, 2014

© Перевод. О. А. Болятко, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Фиона Карсон вышла из своего кабинета с большим запасом времени, чтобы вовремя прийти на важное собрание совета директоров. Она была одета в деловой костюм, светлые волосы убраны назад, на лице – минимум косметики. Фиона была генеральным директором одной из самых крупных и наиболее успешных корпораций в стране. Она ненавидела опаздывать, и с ней этого почти никогда не случалось. Для тех, кто не знал ее, и для многих, кто знал, она выглядела как женщина, полностью владеющая обстановкой и способная справиться, казалось, с любой кризисной ситуацией. И какие бы личные проблемы ее ни волновали, было немыслимо даже подумать, что это может помешать ее работе.

Когда Фиона подходила к залу заседаний, зазвонил ее мобильный телефон. Она хотела было не отвечать на звонок, но потом решила проверить, кто это, на всякий случай, и вынула телефон из кармана. Звонила Элис, ее дочь, которая в настоящее время училась на втором курсе в Стэнфорде. Фиона поколебалась и решила ответить на звонок. У нее оставалось немного времени. Собрание совета директоров должно было начаться через несколько минут, но, будучи матерью-одиночкой, она всегда волновалась, когда не удавалось отвечать на звонки детей. Вдруг это тот самый случай, когда произошло что-то серьезное? Элис всегда была хорошей девочкой и относилась к жизни ответственно, как взрослая, но... что, если с ней произошел несчастный случай... она заболела... или находится в приемном покое госпиталя... или проблемы в институте... или ее собаку переехала машина (однажды такое уже случилось, и Элис была безутешна много месяцев). Фиона никогда не могла игнорировать телефонные звонки, если звонил кто-то из ее детей. Она всегда считала, что одна из обязанностей родителей – быть доступным в любую минуту. То же самое она испытывала по отношению к работе. Если происходило что-то важное, она рассчитывала, что ей позвонят в любое время, где бы она ни находилась. Фиона всегда была в пределах доступа и для компании, и для своих детей.

– Мам? – Таким голосом Элис говорила только в важных случаях.

Отличная оценка или убийственно плохая? Что-то серьезное на приеме у врача – например, положительный тест на мононуклеоз? Фиона чувствовала: произошло что-то важное, – и была рада, что ответила на звонок, лишь надеялась, что ничего страшного не случилось:

– Да. В чем дело? – Она говорила почти шепотом, чтобы никто не слышал, как она беседует на личные темы. – Надеюсь, ничего страшного не случилось?

– Конечно, нет, – с недовольством ответила Элис. – С чего ты взяла?

Ей никогда и в голову не приходило, что означает быть матерью, сколько с этим связано волнений, сколько воображаемых несчастных случаев. Это было частью работы Фионы – беспокоиться о таких вещах и быть всегда наготове прийти на помощь, как Красный Крест или пожарная команда. Быть матерью – это что-то вроде пожизненной работы в аварийно-спасательной службе.

– Где ты? Почему ты так разговариваешь?

Элис едва ее слышала, и, как всегда, ее бесило, что мать говорит по телефону шепотом.

– Я иду на собрание совета директоров, – все так же шепотом ответила Фиона. – Тебе что-то нужно?

– Мне ничего не нужно. Я просто хотела попросить тебя кое о чем.

Казалось, Элис слегка обиделась на то, как мать отреагировала на ее звонок. Что ж, начало было не слишком удачным, и Фиону удивило, что дочь просто не отправила ей сообщение, как делала обычно. Она знала, как мать занята на работе весь день. Но Фиона всегда давала понять, что дети для нее гораздо важнее, поэтому они не стеснялись звонить ей даже во время рабочего дня. Итак, Фиона предположила, что Элис хочет сообщить ей нечто важное. Им было известно правило: «Когда я на работе, не звоните, если в этом действительно нет необходимости». Лишь когда были помладше, дети звонили ей, потому что у них что-то болело или они просто соскучились. Она никогда не ругала их за эти звонки – ни Элис, ни Марка.

– Ну так проси, – сказала Фиона, стараясь скрыть нетерпение. – Я должна быть на собрании через пару секунд. Я уже практически на месте.

– Сделай мне одолжение.

Судя по интонации, началу разговора и несвоевременности звонка, одолжение было немаленьким.

– Какое?

– Можно я позаимствую твою черную юбку от Живанши с разрезом на боку? У меня очень важное мероприятие сегодня вечером.

Элис произнесла это таким тоном, словно от ответа матери зависело ее дальнейшее будущее.

– И ты звонишь мне ради этого? Нельзя ли было подождать до вечера? – Теперь уже Фиона была раздражена. – Я даже ни разу не надевала ее.

Ей редко удавалось первой надеть обновку. Либо Элис «заимствовала» ее, либо эта вещь просто исчезала бесследно, оставляя в платяном шкафу лишь смутную память о себе. И это случалось все чаще и чаще. Они носили один размер, и Элис стала проявлять интерес к более изысканным туалетам.

– Я не собираюсь заниматься в ней легкой атлетикой. Верну в воскресенье.

Какого года? Понятие Элис о времени возвращения одолженных вещей было весьма туманным.

Фиона хотела вступить с ней в спор, но у нее не оставалось времени.

– Хорошо. Мы сможем поговорить об этом вечером, когда я вернусь домой.

– Но мне нужно знать сейчас, или придется идти по магазинам. Мне нечего надеть.

Разговор затягивался, а время не ждало.

– Хорошо. Бери ее. Поговорим вечером.

– Мам, подожди... Мне необходимо поговорить с тобой о моем реферате по экономике. Его нужно сдавать в понедельник, а профессору не нравится моя тема, и я хотела...

– Элис, я не могу говорить об этом сейчас. Позже. Я занята. Это слишком важная тема, чтобы уделить ей две секунды.

В ее голосе прозвучало раздражение, и Элис обиделась.

– Ладно, я поняла. Но ты всегда жалуешься, что я не обсуждаю свои рефераты с тобой, а профессор сказал...

– Только не в середине рабочего дня перед собранием совета директоров. Я очень рада, что ты хочешь обсудить это со мной, но просто не могу сделать это сейчас.

Она уже достигла дверей зала заседаний, и пора было заканчивать разговор.

– А когда сможешь?

В голосе Элис прозвучали капризные нотки, словно она хотела напомнить, что у матери вечно нет времени, но это было нечестно: Фиона пыталась посвящать детям каждую свободную минуту, и Элис хорошо это знала.

– Вечером. Мы поговорим сегодня вечером. Я позвоню тебе.

– Вечером я не могу: иду в кино с моей группой, а перед этим мы ужинаем во французском ресторане. Это как бы продолжение занятий.

– Позвони мне после этого, – сказала Фиона, в отчаянии пытаюсь закончить разговор.

– Я заберу юбку в субботу. Спасибо, мам.

– Пожалуйста, – с кислой улыбкой ответила Фиона.

Они всегда словно устраивали ей проверки, особенно Элис. Она пыталась убедиться, что мать действительно обращает на нее внимание. А Фионе и правда была интересна жизнь дочери. Но Элис все равно устраивала проверки. Она просто не могла удержаться. «Да, я обращаю на вас внимание», – подумала Фиона, надеясь, что Элис не позвонит снова, чтобы попросить черный свитер, который шел в комплекте с юбкой.

– Я люблю тебя. Удачного вечера.

– И я тебя люблю. Удачи на совете директоров. Извини, что побеспокоила, – бросила Элис и повесила трубку.

Фиона отключила звук у телефона и положила его в карман пиджака. Теперь пора было приниматься за работу. Никаких разговоров о заимствовании новой, ни разу не надеванной юбки. Такова реальная жизнь современного генерального директора и матери-одиночки.

Фиона приняла серьезный вид, вошла в зал заседаний ПНТ – компании «Продвижение национальных технологий» – и улыбнулась восседавшим за длинным овальным столом в ожидании остальных членов совета директоров. Всего их было десять – восемь мужчин и две женщины, в основном главы корпораций, но были и те, кто занимал должности пониже. Половина членов совета уже собрались, и все ждали Фиону, председателя совета директоров, и еще четверых членов. В свои сорок девять Фиона занимала пост генерального директора ПНТ уже шесть лет, которым предшествовала выдающаяся работа. Она сменила предшественника, который проработал на этом посту слишком долго и придерживался старомодных взглядов, избегая всяческих рисков, что привело к снижению стоимости акций компании. Кандидатуру Фионы долго рассматривали представители специальной комиссии, и в конце концов ее переманили с важной и ответственной работы.

Она приняла дела спокойно, вдумчиво, была проницательна в своих оценках и решительна в планах. Она выступала против сомнительных рисков и все тщательно продумывала, так что долговременные и краткосрочные цели компании были выстроены и выполнены блестяще. В результате спустя несколько месяцев их акции стремительно взлетели, несмотря на общую сложную экономическую обстановку. И руководство, и акционеры любили ее, сотрудники относились к ней с уважением. Их доходы продолжали расти. При необходимости Фиона могла быть безжалостной, но все, что делала, тщательно продумывала и аккуратно выполняла. Фиона Карсон заслуженно считалась настоящей звездой в течение всей своей карьеры. Она обладала поразительным чутьем в деловых вопросах и была одной из самых успешных женщин в стране, возглавляла одну из крупнейших корпораций в американском бизнесе и имела в подчинении сотню тысяч сотрудников.

Фиона спокойно беседовала с членами совета, по мере того как они заполняли зал заседаний. До начала собрания оставалось еще десять минут. Она обычно приходила заранее, чтобы иметь возможность поговорить с коллегами. Председатель совета директоров, Хардинг Уильямс, обычно приходил к самому началу совещания. Он сделал выдающуюся карьеру в бизнесе, хотя и не такую блестящую, как Фиона. Большую часть своей карьеры он возглавлял крупную корпорацию – правда, не такую большую, как ПНТ, – и управлял ею как диктатор – так было принято в дни его молодости. Сейчас все изменилось, что Фиона и пыталась объяснить ему, когда он хотел устроить обструкцию, основываясь на своих собственных мнениях и капризах. Фиона строго придерживалась правил корпоративного управления и полагала, что входящие в состав ПНТ корпорации и люди, управляющие ими, должны эти правила уважать. Фиона также ожидала

этого от членов совета директоров. Все это вызывало разногласия между Хардингом и Фионой почти на каждом собрании. Фиона доброжелательно говорила, что они ведут себя как родители, которые хотят лучшего для своих детей, и их прямо противоположные точки зрения часто идут на пользу ПНТ, когда они приходят к компромиссу. Но все это заканчивалось для Фионы страшной головной болью и демонстрацией худшего, что было в них обоих. Она уважала Хардинга Уильямса как председателя и человека с большим опытом, но всем было очевидно, что она не выносит его как личность, а он ее просто ненавидит. Он не делал из этого секрета, часто высказывая ничем не обоснованные уничижительные замечания в ее адрес, в то время как она была неизменно дипломатична, уважительна и тактична, чего бы ей это ни стоило. Он задевал ее резкими выпадами, как в лицо, так и за ее спиной, но она никогда не подавала вида, что ее это трогает. Она была профессионалом до мозга костей. Помощница неизменно оставляла на столе Фионы две таблетки обезболивающего и стакан воды всякий раз после собрания совета директоров, и сегодня будет то же самое.

Фиона созвала это экстренное собрание для обсуждения одной из проблем. Хардинг утверждал, что устраивать собрание на эту тему нелепо, и жаловался, зачем он вообще пришел. Он ушел на пенсию пять лет назад, но был еще влиятельным председателем совета директоров, причем не одного. Он будет вынужден освободить кресло председателя в ПНТ в конце года, когда ему исполнится семьдесят, если только члены совета не проголосуют за то, чтобы нарушить правило о возрастном ограничении. Пока никто не выступил с этой идеей. Фиона надеялась, что он уйдет в конце года, через семь месяцев. А до тех пор придется конструктивно сотрудничать. Это стоило значительных усилий с ее стороны в течение всех шести лет, с тех пор как она возглавила ПНТ.

И все эти шесть лет, с момента своего прихода, она знала, что Хардинг Уильямс говорил о ней как о женщине легкого поведения и называл стервой. Он работал в ПНТ в совете директоров задолго до ее прихода. Их пути пересекались и раньше, в ее молодости, в бизнес-школе Гарварда, где он преподавал, когда она была первокурсницей. Он уже тогда составил свое мнение о ней и больше никогда его не менял.

Фиона могла бы быть очень красивой женщиной, приложи она немного усилий, чего предпочитала не делать. Она не теряла времени на размышления о том, находят ли ее привлекательной мужчины, с которыми работала. Ее единственным интересом было успешное управление компанией и сотней тысяч

служащих. Она очень давно придерживалась делового стиля, принятого в корпоративном мире. Она была высокой и худощавой, с хорошей фигурой, длинными светлыми волосами, убранными в аккуратный пучок, и большими зелеными глазами. Она не носила никаких украшений. Руки ее были безукоризненно ухожены, ногти покрыты бесцветным лаком. Она была воплощением успешной, влиятельной женщины-руководителя, правящей железной рукой в бархатной перчатке. Как сильная женщина, она не злоупотребляла властью, но всегда была готова принять непростое решение, как и критику, и проблемы, которые вытекали из этого решения. Никто никогда не видел ее переживаний, страха, если что-нибудь пойдет не так, огорчений, когда приходилось закрывать какой-нибудь завод и тысячи людей лишались работы. Она проводила из-за этого немало бессонных ночей, но на работе всегда выглядела спокойной, сдержанной, решительной, участливой и вежливой. Ей были не чужды маленькие слабости, но на работе она их тщательно скрывала. Она не могла позволить, чтобы они стали известны, – это было слишком опасно в ее положении. Она должна была быть уверенным в себе лидером и помнила об этом все время.

Фиона подождала, пока все члены совета директоров займут свои места, и Хардинг Уильямс открыл собрание, после чего повернулся к ней с саркастической ухмылкой, которую она проигнорировала.

– Мы собрались здесь по твоей инициативе, Фиона. Говори же, чего ты хочешь, и я надеюсь, что причина окажется достаточно важной, чтобы отрывать людей от дел на какие-то незапланированные собрания. Я не понимаю, почему ты не могла просто разослать нам информационное письмо. У меня есть более важные дела, чем прибегать сюда всякий раз, когда у тебя появляется новая идея, и я уверен, что мои коллеги согласны со мной.

У нее тоже было немало важных дел, имелась и важная причина собрать их, и Хардинг прекрасно знал об этом. Он просто издевается над ней, как обычно. В его присутствии она чувствовала себя студенткой, которая провалила экзамен. И пусть это не соответствовало истине, она не подавала виду.

За прошедшие годы Хардинг не раз высказывался, что женщины не должны руководить крупными корпорациями, потому что не способны к этому, и был уверен, что Фиона не является исключением. Он ненавидел саму ситуацию, что женщины стали занимать важные, влиятельные позиции, – это всегда раздражало его. Он был женат уже сорок четыре года на женщине, которая

закончила колледж Вассар, получила степень магистра по истории искусств в Редклиффе и никогда не работала. Детей у них не было, и Марджори Уильямс всегда жила в тени своего мужа, полностью подчиняясь всем его требованиям. Это устраивало Хардинга во всех отношениях, и он всегда кичился длительностью их брака, особенно когда слышал о чьем-нибудь разводе. Хардинг не отличался скромностью и тактом, и многие не любили его за высокомерие. Фиона возглавляла этот список.

– Я собрала вас сегодня, потому что хочу обсудить последний случай утечки информации в прессу, – начала она негромко, выпрямившись в кресле. Несмотря на спокойный голос, она умела захватить внимание аудитории и заставить всех прислушиваться к самым новаторским предложениям. Все знали об этой утечке и были обеспокоены. – Я думаю, мы все согласимся с тем, что это ставит нас в неловкое положение. Заккрытие завода в Ларксбери отразится на судьбах тысяч наших сотрудников, которых мы вынуждены будем уволить. Мы должны были проинформировать об этом с крайней осторожностью. То, как мы сделаем это заявление и как будем реагировать на последствия, может иметь важный негативный эффект на стоимость наших акций и даже вызвать панику на бирже. И безусловно, как мы и проголосовали на прошлом собрании, делать это заявление для публики, для наших акционеров или служащих пока еще рано. Теперь нам нужно время, чтобы исправить ситуацию, и я работала над этим беспрестанно с нашего прошлого собрания. Мне кажется, у нас есть неплохие шансы хотя бы немного смягчить удар. Мы вынуждены будем закрыть этот завод для блага компании, но меньше всего нам всем хотелось бы, чтобы сведения об этом просочились в прессу до того, как мы обсудим все детали. А как вы знаете, информация появилась две недели назад в «Уолл-стрит джорнал», а затем в «Нью-Йорк таймс». С этого момента я не занималась ничем, кроме этой проблемы. И уверена, все вы согласитесь со мной, что самое главное в этом деле не преждевременность появления информации, а то, что утечка произошла от нас. Информация, появившаяся в прессе, известна только тем, кто сейчас сидит в этом зале. Некоторые детали даже не были зафиксированы письменно. Пресса ни о чем не узнала бы, если бы кто-то не проговорился.

Повисло тяжелое молчание. Фиона переводила серьезный, оценивающий взгляд с одного на другого, не пропуская никого.

– Немыслимо, что это случилось у нас, – сказала она. – Это произошло в первый раз за те шесть лет, что я работаю в ПНТ, и вообще за всю мою карьеру. Я знаю, что такие вещи случаются, но для меня это впервые, как, возможно, и для

многих из вас.

Она снова обвела взглядом собравшихся, и все кивнули. Никто не выглядел виноватым, а Хардинг казался сильно раздраженным, словно Фиона зря тратила их время, хотя все понимали, что это не так. Было очевидно, что кто-то из членов совета директоров допустил утечку информации, и она была намерена выяснить, кто именно. Она хотела узнать это как можно скорее, чтобы вывести провинившегося из состава совета. Проступок был слишком тяжелым, чтобы отнестись к происшедшему легко или проигнорировать его.

– Я полагаю, мы все имеем право знать, кто нарушил конфиденциальность, но пока вы все отрицаете свою причастность. Этого недостаточно, – сурово произнесла она, и в ее зеленых глазах вспыхнул огонек. – Слишком многое поставлено на карту: благополучие компании, стабильность акций. Мы несем ответственность перед акционерами и нашими сотрудниками. Я хочу знать, кто общался с прессой, и полагаю, что вы тоже этого хотите.

Все кивнули, а Хардинг принял скучающий вид и грубо бросил:

– Переходи к делу, Фиона. Что ты предлагаешь? Детектор лжи? Прекрасно, можешь начать прямо с меня. Давайте заканчивать с этим, и без нелепой суеты. Была утечка, мы, похоже, пережили это, возможно, и служащие, которых мы планируем уволить, и общественность восприняли это как предупреждение. Я не говорю, что то, что случилось, хорошо, но, может быть, все не так уж и плохо.

– Я не согласна с вами. И думаю, что очень важно знать, кто является виновником, чтобы впредь такого больше не произошло.

– Отлично. Можешь начинать свою охоту на ведьм, но предупреждаю, что буду возражать против всех противоправных мер. Мы все помним, что произошло в «Хьюлетт-Паккард» несколько лет назад по такому же поводу. Это чуть не разорило компанию, сделало посмешищем совет директоров в прессе, а сами члены совета и не подозревали, что расследование происходило с применением незаконных методов. А когда все выплыло наружу, председатель чуть не угодил за решетку. Я предупреждаю тебя, Фиона, что не собираюсь оказаться в тюрьме из-за твоей охоты. Можешь провести расследование, но каждая процедура должна быть совершенно законной и честной.

– Уверяю вас, что так и будет, – холодно ответила она. – Я разделяю ваши опасения. Я тоже не хочу повторения того, что случилось в «Хьюлетт-Паккард». Я обратилась в несколько детективных агентств – сегодня дам вам их список, – и хочу непредвзятого и исключительно законного расследования действий членов совета, начиная с меня, чтобы выяснить, кто ответствен за утечку, поскольку никто из вас не сознался.

– Какое это имеет значение? – спросил Хардинг, снова принимая скучающий вид. – Слово вылетело, ты говоришь, что принимаешь соответствующие меры. От того, что ты узнаешь, кто виноват, ничего не изменится. Может быть, даже какой-то очень ловкий репортер сам додумался до этого.

– Это невозможно, и вы сами это знаете. И я хочу быть абсолютно уверена, что впредь такого не повторится. То, что произошло, подрывает правила управления компанией и этим советом, – сказала Фиона, и Хардинг закатил глаза.

– Бога ради, Фиона, чтобы управлять советом, недостаточно правил. И они нам и так известны. Мы теряем половину времени, обсуждая процедуры и изобретая новые, чтобы замедлить собственную работу. Я удивлен, что у тебя вообще остается время на управление компанией. За всю свою карьеру я не терял столько времени. Мы принимали правильные решения и выполняли их. И не тратили драгоценные часы на то, чтобы придумывать новые правила.

– Вы не можете больше управлять корпорацией диктаторскими методами, – настояла она. – Это время прошло. Наши акционеры не потерпят этого и будут правы. Нам всем приходится жить по правилам, а акционеры стали гораздо более информированными и требовательными, чем двадцать или тридцать лет назад.

Хардинг знал, что она права. Фиона была современным генеральным директором и жила по тем самым правилам, которые Хардинг считал тратой времени и часто критиковал ее за это.

– Я хочу поставить на голосование вопрос о выявлении источника утечки, используя законные методы расследования, – обратилась Фиона к членам совета.

Хардинг первый поднял руку, чтобы скорее покончить с этим, хотя и не преминул заметить, что считает затею глупостью и пустой тратой денег компании. Однако он не стал возражать против ее предложения. Все остальные также проголосовали за расследование утечки.

- Довольна? - спросил ее Хардинг, когда они вместе выходили из зала.

- Да. Спасибо, Хардинг.

- И что ты собираешься предпринять, когда выяснишь, кто это? - с насмешкой поинтересовался он. - Отшлепать? У нас есть более важные дела.

- Я попрошу виновного уйти из совета директоров, - твердо сказала она и, посмотрев ему в глаза, увидела там то же презрение, что и двадцать пять лет назад, во времена бизнес-школы Гарварда. Она знала, что никогда в жизни не добьется его уважения, и ее это не волновало. Она сделала феноменальную карьеру, и было не важно, что он о ней думает.

Корни неприязни Хардинга к ней уходили далеко в прошлое. Фиона вспомнила об этом снова, когда они расстались и она поспешно направлялась в свой кабинет, где были назначены встречи, с которыми теперь придется поторопиться. Срочное собрание совета директоров заняло больше времени, чем планировалось, из-за обсуждения расследования и ядовитых замечаний Хардинга.

Свой первый год в Гарварде Фиона чувствовала себя неполноценной и не раз подумывала о том, чтобы все бросить. Она считала себя менее способной, чем ее соученики, большинство из которых были мужчины и казались гораздо более уверенными в себе. Все, что у нее имелось, - это амбиции и любовь к бизнесу, что казалось ей недостаточным, особенно в этот первый год. Это было тяжелым временем для нее. Годом раньше ее родители погибли в автомобильной катастрофе, и без них она чувствовала себя потерянной и опустошенной. Отец всегда поддерживал ее во всех начинаниях, и после его с матерью смерти она решила не менять своих планов и получить степень магистра. Ее единственной поддержкой была старшая сестра, которая училась на психиатра в Стэнфорде, в трех тысячах миль от нее. Фиона была напугана и одинока в своей школе, многие из ее сокурсников мужского пола были настроены агрессивно и враждебно по отношению к ней. А профессора ею не интересовались.

Хардинг в этот год сделал перерыв в своей карьере, и бывший соученик из Принстона уговорил его вести занятия в бизнес-школе. Хардинг почти провалил Фиону на экзаменах, и ее единственной поддержкой стал старый друг Хардинга, Джед Айвори, который всегда всем помогал и опекал своих студентов. Он был необычайно добр к ней и стал ее единственным другом.

Джед в то время расстался со своей женой после бурной семейной жизни. Та в свое время была его студенткой, и оба изменяли друг другу в течение многих лет. Разъехавшись с женой, он начал осторожные переговоры о разводе, помогая в то же время Фионе, и через месяц Фиона уже без памяти влюбилась в него. Она не знала, что для него это не первый случай. Тем не менее это вызвало толки в бизнес-школе. Фиона смутно осознавала, что Хардинг все это сильно не одобряет. Позже он обвинил ее в том, что она виновата в крушении семейной жизни Джеда, хотя она почти не имела к этому отношения. Ее роман с Джедом неожиданно закончился в конце первого года ее обучения, когда он вынужден был признаться в связи с другой студенткой, которая забеременела и на которой он согласился жениться в июне. Фиона была в отчаянии и проплакала все лето.

В сентябре, вернувшись в школу, она встретила Дэвида, за которого в результате вышла замуж. Как бы в отместку Джеду они обручились на Рождество и поженились после окончания школы. Фиона переехала с мужем в Сан-Франциско, откуда он был родом. Тогда это казалось правильным решением. Но роман с Джедом Айвори нанес ей глубокую рану.

Неловкая ситуация возникла, когда во время второго года своего пребывания в Гарварде Фиона столкнулась с Джедом. Несколько раз он пытался возобновить отношения, хотя к этому моменту был женат и имел новорожденного сына. Фиона ухитрилась избегать его и никогда не посещала его занятий. К тому времени она уже знала, что его романы со студентками стали местной легендой, а он воспользовался ее молодостью и уязвимостью. После окончания школы она больше никогда не видела его и не получала вестей, но от окружающих слышала, что после этого он был женат еще дважды, всегда на женщинах гораздо моложе его. Несмотря на это, Хардинг считал своего друга непогрешимым и предпочитал не обращать внимания на его романы со студентками. Хардинг так и не изменил своего мнения о Фионе как о соблазнительнице, хотя она была не виновницей, а жертвой. Как человек старой закалки, он был пристрастен в отношении мужчин, продолжал верить, что Фиона разбила брак Джеда, и с тех пор обращался с ней как с распутницей. Он не упускал случая мрачно намекнуть на ее сомнительную репутацию в Гарварде, но

Фиона не давала никаких объяснений. Она считала, что не обязана ни перед кем отчитываться, и давно уже рассматривала свой роман с Джедом Айвори как просто несчастный случай, произошедший с ней в студенческие годы – в тот страшный год после смерти родителей, чем Джед также не преминул воспользоваться.

Фионе не в чем было оправдываться, но Хардинг продолжал винить ее за события двадцатипятилетней давности, несмотря на ее головокружительную карьеру, семнадцать лет брака и совершенно безупречную жизнь. Это казалось ей смешным и нелепым, поэтому она не собиралась ничего объяснять или защищаться. Вступив в должность генерального директора ПНТ в Пало-Альто, она была не на шутку встревожена, когда обнаружила, что Хардинг является председателем совета директоров этой компании. Он также был не слишком рад, но не мог отрицать ее высокую квалификацию, внушительный послужной список и просто врожденный талант, так что проголосовал за нее. Он выглядел бы глупцом, если бы поступил иначе. Весь совет директоров только и говорил о том, как им повезло заполучить ее, и ему не хотелось признаваться в своей личной неприязни. Фиона, в свою очередь, решила, что сможет не обращать внимания на его враждебное отношение. И ей это удавалось, если не считать приступов головной боли после каждого собрания совета директоров.

Вернувшись в свой офис, она сразу же проглотила две таблетки и запила водой. На этот день оставалось еще множество дел, и Фиона начала с того, что дала «зеленый свет» расследованию. Компания, которую наняли с этой целью, рассчитывала предоставить информацию об источнике утечки через шесть – восемь недель.

К тому моменту, когда Фиона направилась к своей машине, было уже шесть часов и рабочий день закончился. Она остановилась около белого «мерседеса», открыла дверцу, сняла пиджак, положила его на заднее сиденье и закатала рукава белой шелковой блузки. Машинально, даже не осознавая этого, она повторила все жесты своих коллег мужского пола. Выехав со стоянки и направившись в сторону дома, она стала перебирать в уме все события прошедшего дня, особенно собрание совета директоров. Стоял чудесный майский вечер, солнце еще пригревало, и Фиона мечтала скорее очутиться дома, в Портола-Валли, и, как обычно, поплавать в своем бассейне. Она могла бы иметь служебную машину и личного водителя, и никто не упрекнул бы ее за это, но предпочитала водить сама. Она не любила привилегий. Фиона использовала принадлежащий компании самолет для путешествий по стране и посещения

заводов, но никогда не хотела иметь водителя и использовала дорогу домой, чтобы развеяться, отдохнуть от семьи и от работы. Однако последний год Фиона возвращалась по вечерам в пустой дом, что причиняло ей боль, но брала на дом работу и к тому моменту, когда заканчивала изучать документы, была настолько уставшей, что засыпала одетая, при включенном свете. Она много работала, но всегда ставила детей на первое место, несмотря на свой плотный рабочий график.

Она всегда полагала, что можно совмещать семью и карьеру, стоит лишь постараться, и ей это удавалось, к радости детей, но не мужа, который был недоволен, что жена пошла работать, когда их сыну Марку исполнилось три года. Эти три года, которые она провела дома, были подарком сыну, но с тех пор она всегда работала на высоких должностях. Дети, казалось, не страдали от этого, и ее отношения с ними оставались очень близкими даже сейчас. Свидетельством тому был звонок Элис, которая часто звонила матери по любому поводу – за советом или просто поболтать. Фиона очень ценила открытые, теплые взаимоотношения с ней и с Марком. Ее преданность и семье, и работе принесла свои плоды. Она ухитрялась посещать постановки школьных театров, игры в лакросс или футбол, которыми был занят ее сын, помогала ему в делах скаутов, ходила на репетиции балетов, в которых выступала Элис, делала с ними домашние задания и шила им костюмы к хеллоуину по ночам.

Элис сейчас была второкурсницей в Стэнфорде и мечтала после окончания поступить в бизнес-школу Гарварда, как и родители. Марк учился в аспирантуре в Колумбийском институте общественных работ в Нью-Йорке. В отличие от матери и сестры, питавших страсть к бизнесу, Марк был «святым», как называла его Фиона. Единственное, чего он хотел, – исправить все несправедливости в мире. Он собирался по окончании аспирантуры в Колумбии работать в слаборазвитых странах. Он не питал никакого интереса к бизнесу. Его девушка была студенткой-медиком и провела предыдущее лето в Ливии и Кении, работая по программе «Доктора без границ». Фиона полностью разделяла мечты и альтруистские взгляды сына. Она любила Марка за его убеждения и гордилась им, как и Элис.

Фиона считала свою карьеру матери такой же удавшейся, важной и успешной, как и профессиональную. Единственным поприщем, на котором она потерпела поражение, был ее брак с Дэвидом. С самого начала стало понятно, что брак не задался, тем не менее она терпела семнадцать лет. Она пыталась бороться, но Дэвид не помогал ей. Он унаследовал маленький семейный бизнес и стал

мелким предпринимателем. Фиона же мыслила другими масштабами, ее интересовал мир крупных корпораций. Когда она захотела выйти на работу, Дэвид предложил ей помогать ему на условиях частичной занятости, но она отказалась, чувствуя, что это станет полем битвы для них как между собой, так и с его семьей, а она была достаточно мудра, чтобы предвидеть это. И его бизнес казался ей недостаточно интересным, хотя она и не говорила этого. Она предпочитала более сложные вызовы крупных корпораций и их влияние на окружающий мир, проблемы, с которыми они сталкивались, и гораздо более привлекательные цели, стоявшие перед ними. И уже на своей первой работе она почувствовала, насколько враждебно Дэвид относится к ее успеху. Она стала олицетворением всего, что он ненавидел. Как и Хардинг Уильямс, Дэвид считал, что женщины не приспособлены для работы в бизнесе, и часто критиковал ее за то, что мало времени проводит с детьми, хотя на самом деле она уделяла им куда больше внимания, чем он сам. Он два дня в неделю и все выходные играл в гольф со своими друзьями, в то время как она неслась домой после работы, чтобы побыть с Элис и Марком.

Фиона старалась, как могла, быть хорошей женой Дэвиду, но он продолжал ее критиковать. Окончательная развязка наступила, когда ей предложили должность генерального директора ПНТ. Она была ошеломлена, когда муж потребовал, чтобы она отказалась от предложения, иначе он ее бросит. Элис было на тот момент тринадцать, а Марку шестнадцать, и Фиона понимала, что, несмотря на заверения Дэвида, это не имело к ним отношения. Все дело было в его эго и в возможности лишить ее осуществления мечты. После многочисленных споров и мучительных размышлений Фиона согласилась на предложение, и Дэвид на той же неделе в ярости покинул их дом. Сначала она была огорчена, но за прошедшие шесть лет утвердилась в мысли, что это было лучшее из того, что с ней случалось. Больше никакой критики, никакого эмоционального давления, унижения, больше никто не указывал на ошибки, не говорил, какая она плохая жена и мать, не заставлял чувствовать себя виноватой за успехи в бизнесе. Фиона никогда не скрывала своих амбиций, она просто переросла его. А возможно, он был слишком мелок для нее.

В конце концов она испытала облегчение, когда он ушел, хотя и чувствовала себя виноватой. Временами ей было одиноко, особенно теперь, когда дети уехали из дома. Конечно, Элис часто навещала мать, а Марк проводил дома все каникулы. Но все же Фионе нравилось, какой спокойной стала ее жизнь за последние шесть лет. Иногда она думала, что неплохо было бы иметь мужчину в своей жизни, но до сих пор ничего подобного не случилось, и она была счастлива с работой и детьми – счастливее, чем когда-либо с Дэвидом. Она понимала

теперь, как он был озлоблен и обижен на нее бо?льшую часть их совместной жизни. Ей нравилось, что она перестала быть мишенью для его ненависти и зависти.

Через два года после развода он вновь женился на очень милой женщине, которая куда больше подходила ему, но все еще был зол на Фиону и демонстрировал это при каждом удобном случае, особенно в присутствии детей. Злость Дэвида в ее адрес, казалось, горела негасимым пламенем. И его жена Дженни разделяла негативные взгляды мужа в отношении мира крупных корпораций. Ее первый муж покончил жизнь самоубийством после того, как его карьера рухнула и он был уволен из-за скандала с бухгалтерской отчетностью, который можно было легко разрешить. Через год после этого она вышла замуж за Дэвида, окружила его заботой, никогда не работала и прислушивалась к каждому его слову. И хотя он был всего на четыре года старше Фионы, в пятьдесят лет, через год после своей повторной женитьбы, уже удалился от дел, и они с Дженни проводили бо?льшую часть времени, путешествуя по миру, в то время как Фиона продолжала работать, получая удовольствие от того, что делала, и укрепляя свои позиции в мире большого бизнеса. Насколько она могла судить, они с Дэвидом оба были счастливы теперь, что не могло не радовать, и она была удивлена и расстроена, что он продолжал винить ее за недостатки и отказывался помириться. Он просто не мог по-другому. И их дети тоже были огорчены этим. Невозможно было находиться в одной комнате с обоими родителями без того, чтобы отец не делал ядовитые выпады в адрес их матери или не говорил ей гадости. Фиона отказывалась опуститься до его уровня, поэтому обычно просто болтала с Дженни о ее последних увлечениях или поездках. Она считала Дженни очень хорошей женщиной и идеальной супругой для Дэвида.

А сама Фиона вела очень простую жизнь. Виделась с детьми при каждом удобном случае, много работала, время от времени встречалась с друзьями, ездила по делам, большей частью в короткие поездки, и давно покончила со свиданиями с незнакомцами, которые устраивали ей друзья. У нее не было для этого времени и желания, а партии, которые ей подбирали, были всегда до смешного неподходящими. Она также отлично понимала, что женщины с карьерой, подобные ей, не слишком высоко котировались на брачном рынке. Большинство мужчин побаивались их, и бытовало мнение, что, если женщина занимала пост генерального директора крупной корпорации, она обязательно диктатор или стерва. Фиона не была ни той ни этой, но мало кому из мужчин хотелось это выяснять. Кроме того, у нее больше не было сил для свиданий. К тому времени, когда возвращалась домой, она была измотана и приносила

столько работы с собой, что после дня, проведенного в офисе, не могла чувствовать себя ни энергичной, ни сексуальной, на что Дэвид тоже постоянно жаловался. Он обвинял ее в том, что она перестала быть женщиной. Говорил, что она одевается как мужчина, думает как мужчина и работает как мужчина, и если она не была занята чтением очередного квартального отчета, то помогала Марку с его научными проектами, что не оставляло времени на секс и романтику. А у его новой жены Дженни не было детей, что его вполне устраивало: центром ее вселенной стал он.

Фиона до сих пор чувствовала себя виноватой из-за некоторых вещей. Она знала, что он был прав, когда говорил, что у нее никогда не находилось времени для романтических отношений между ними, но воспитание двоих детей и прокладывание дороги среди минных полей корпоративной Америки не оставляло времени ни для чего другого. А когда дети выросли и уехали учиться, лучше не стало. У нее не было партнера или других увлечений, она работала больше, чем прежде, и бизнес занимал все свободное время. Это то, что у нее хорошо получалось, и это было гораздо лучше, чем выслушивать, какая она плохая жена. И она не желала больше повторения прежнего опыта. Она держалась того, что умела хорошо делать, – работала и проводила время с детьми при каждом удобном случае. Это ее устраивало.

Фиона свернула на подъездную аллею, ведущую к большому красивому особняку в Портола-Валли, где жила последние двенадцать лет, и улыбнулась, выходя из машины. Она скучала по детям и их совместным ужинам, возвращаясь домой по вечерам, но все равно было очень приятно в конце дня приехать в дом, который она так любила.

Она оставила портфель в холле и пошла в гардеробную, чтобы переодеться. Она давно уже заняла своими вещами все шкафы и не представляла, что значит снова жить с мужчиной; ей было даже сложно вспомнить, как они жили с Дэвидом. Теперь она вела одинокую жизнь, и такая жизнь ей нравилась. Она даже почти забыла, что это такое – быть женщиной и лежать в постели с мужчиной, которого любишь. Но она перестала любить Дэвида задолго до их расставания, как и он перестал любить ее. Последние годы их брака они оставались вместе по привычке и из чувства долга, как бы ради детей. А потом Фиона поняла, насколько все стали счастливее, когда он ушел. Их совместная жизнь долгие годы была бесцветной и полной стрессов. А сейчас она жила уютной жизнью, где чувствовала себя комфортно и была сама себе хозяйкой.

Она открыла дверь во внутренний дворик и направилась к бассейну, одетая в черное бикини, которое прекрасно подчеркивало ее фигуру. Высокая, худощавая и в прекрасной форме, она не выглядела на свой возраст. Чувствуя лучи заходящего солнца на спине, она спустилась по ступенькам в воду и поплыла длинными уверенными гребками. После долгого рабочего дня это было чудесно, и неожиданно ее разборки с Хардингом Уильямсом, переживания из-за служащих завода в Ларксбери и все большие и маленькие заботы дня испарились, пока она плыла в прохладной воде. У нее не было всего того, о чем она мечтала, выходя замуж за Дэвида и строя планы на их совместное будущее, зато было то, чего хотела и в чем нуждалась сейчас: карьера, которая ее устраивала, двое детей, которых обожала, и мирный дом, в который возвращалась по вечерам. Фионе такая жизнь казалась идеальной.

Глава 2

Как обычно превышая скорость, на своей любимой игрушке «астон-мартин» Маршалл Вестон ехал домой в округ Марин из Пало-Альто. Он работал в Силиконовой долине и занимал должность генерального директора МОИА, Международного объединенного информационного агентства, второй по величине корпорации в стране. Им с женой Лиз нравилось жить в Россе: место было очень красивое, и они построили себе здесь дом десять лет назад, когда дети были помладше. Школы здесь были прекрасные, и Маршалла вполне устраивало, что по дороге из офиса можно развезаться вечерами. Он любил округ Марин больше, чем полуостров, и это стоило лишних километров пути.

Маршаллу был пятьдесят один год, и пятнадцать из них он отдал МОИА, взлетев по служебной лестнице. Он был генеральным директором компании уже десять лет и сколотил большое состояние на акциях МОИА и других своих вложениях. Компания много сделала для него, и он очень любил свою работу. Если бы его спросили, он ответил бы, что его жизнь идеальна. Карьера занимала очень важное место в его жизни, а Лиз была образцовой женой. Они были женаты двадцать семь лет, в марте ей исполнилось пятьдесят, и она все еще оставалась очень красивой. Она тщательно следила за собой, много играла в теннис и упражнялась каждый день. Она записалась в класс пилатеса, плавала в бассейне, и ей нравилась их жизнь так же, как и ему. У них было трое очаровательных детей, и Маршалл обеспечил их так, как ей и не снилось. Она никогда не рассчитывала, что в МОИА он сколотит такое состояние. Лиз

предполагала, что он далеко пойдет, когда выходила замуж. Маршалл был трудолюбивым и амбициозным еще в колледже, но его успехи в последние годы превзошли все ожидания. Все их мечты сбылись.

Лиз имела диплом юриста, который никогда не использовала, и отлично разбиралась в бизнесе. Но она предпочла оставаться безработной в течение всего своего замужества, и заботы о троих детях занимали все ее время. Старший сын Том появился на свет в годовщину их свадьбы, и сейчас учился в юридическом колледже в Боулте, и учился хорошо. Он был славным мальчиком и прекрасно ладил с матерью, хотя всегда боролся за первенство с отцом, что с годами усиливалось. Он соперничал с отцом за внимание Лиз, когда еще был маленьким, и всегда соревновался с ним в занятиях спортом и во всех играх. Оба вели себя как самцы в лесу, сталкиваясь рогами, вступая в бой при каждой возможности, что вызывало общее напряжение. Став постарше, Том все чаще критиковал отца и винил в том, что тот хочет всеми управлять. И часто обвинял его в двуличности, которую Маршалл отрицал, а Лиз не замечала. Она считала, что Том необоснованно груб с отцом. В результате, достигнув двадцати шести лет, Том стал все реже появляться дома. Учеба занимала все его время, а когда приезжал домой, непрерывно спорил с отцом о бизнесе, о политике и обо всем, что отстаивал Маршалл. Лиз всегда старалась успокоить их и объяснить каждому точку зрения оппонента. Она была центром этого мужского соперничества с момента, когда Том научился говорить и возражать отцу по любому поводу. Она все еще надеялась, что со временем это пройдет, но пока все оставалось по-прежнему. И она знала, что Маршалл гордится своим первенцем, хотя его и задевала слишком бурная критика со стороны Тома.

Она слышала временами, как Маршалл хвастался друзьям об успехах и достижениях сына, и ей хотелось, чтобы он чаще говорил об этом и самому Тому. Но Маршаллу как будто нравилось хвалить сына не в лицо, а только перед окружающими, словно научные достижения Тома оттеняли его собственные успехи, что Том подметил и на что также жаловался матери. Он обвинял отца в нарциссизме и в том, что тот расценивает всех окружающих как атрибуты своей жизни, что Лиз отрицала. Без сомнения, отношения между отцом и старшим сыном были непростыми. Тем не менее они были во многом похожи: оба упрямы, неподатливы и неумолимы. Что ей больше всего не нравилось, так это то, что напряженность между ними мешала Тому чаще навещать их. Он иногда появлялся дома к ужину посреди недели, когда знал, что отец находится в Лос-Анджелесе. Он устал от споров с ним. Но Том уважал свою мать, восхищался ею и считал, что она лучше, умнее, добрее и терпеливее, чем заслуживал отец. Лиз делала все, чтобы облегчить жизнь Маршаллу, в благодарность за все, что он

делал для нее, и просто потому, что очень его любила. В течение двадцати семи лет Лиз была во всех отношениях идеальной женой.

Отношения Маршалла со вторым сыном были намного проще. Джон был именно таким, о каком сыне Маршалл всегда мечтал: отличным спортсменом, прилежным студентом, образцовым ребенком. В возрасте двадцати лет он уже учился в Стэнфорде, играл за футбольную команду института, получал почти исключительно высшие оценки и часто приезжал домой навестить родителей. Распри между отцом и Томом были также источником напряжения в отношениях между братьями. Джон считал отца героем, восхищался всем, что тот делал, и с энтузиазмом рассказывал о нем своим друзьям. Если для Тома отец был лицемером, то для Джона святым. Из двух братьев Джон был для отца светом в окошке. Маршалл водил его на футбол, бейсбол и баскетбол, брал с собой на охоту, чтобы укрепить дружбу. Он предоставлял все те же возможности и Тому, но тот редко пользовался ими, когда стал старше. Маршалл и Джон прекрасно проводили время вместе, что грело сердце Лиз. Она лишь мечтала, чтобы ее старший сын смягчился и тоже проводил больше времени с отцом, начал ценить его. Но было очевидно, что Маршаллу приятнее общаться с младшим сыном, который безоговорочно обожал его, и они славно проводили время вместе.

Но настоящим вызовом и для Маршалла, и для Лиз в настоящий момент была их шестнадцатилетняя дочь Линдсей. Она не разделяла их образа мыслей и постоянно находилась в состоянии войны с обоими родителями. Лиз, которая относилась к ней с бесконечным терпением, тоже приходилось нелегко. В настоящий момент Линдсей боролась за пирсинг и несколько татуировок. У нее было по шесть проколов в каждом ухе и кольцо в носу, которое отец заставил снять под угрозой запереть ее на ключ до конца года. В последнее время она стала вегетарианкой и отказывалась есть с родителями, заявив, что то, что они едят, вызывает у нее отвращение и ее тошнит даже от вида того, как они это едят. У нее был приятель, который выглядел так, будто пережил кораблекрушение, и весь последний год носил дреды. А когда она встречалась не с ним, появлялись другие приятели, такие же, как он, или еще хуже. Линдсей была совсем не та дочь, которую Маршалл рассчитывал иметь. Лиз постоянно убеждала его, что она это перерастет, и он надеялся, что так оно и будет. Ему было намного проще ходить на бейсбол с Джоном и даже спорить с Томом о политике, чем терпеть постоянные бунтарские выходки и идеи Линдсей. Она с трудом училась в школе и большую часть года находилась на испытательном сроке. Она делала все, чтобы досадить родителям, и спорила с матерью по любому поводу. Лиз привыкла к этому и старалась не расстраиваться, но Маршалл признавался ей, что общение с дочерью выматывает его. Пытаться

урезонить ее было бесполезно. Он была самой скрипучей нотой в их мирной домашней жизни, и Маршалл почти испытывал облегчение, когда, вернувшись домой с работы, не заставал ее дома. Единственное, что утешало его, это то, что она не принимала наркотики, но и без этого доставляла немало неприятностей. Почти каждый разговор с дочерью заканчивался тем, что она хлопала дверью своей комнаты. Маршалл уже привык к этому, но все равно старался по возможности избегать этих встреч.

По мнению Маршалла, Лиз была не только идеальной женой, но и замечательной матерью, которая все свое время отдавала воспитанию троих детей. Она никогда не жаловалась, что ей многое приходилось делать в одиночку, пока он был на работе: родительские собрания или школьные события, на которые у него не оставалось времени, общественные мероприятия, которые он не мог посетить, поскольку два дня в неделю проводил в офисе в Лос-Анджелесе, или выходные, когда она помогала ему развлекать клиентов из других стран, или приемы, которые она устраивала, чтобы упрочить его карьеру. Лиз полностью подчинила свою жизнь его интересам, и он знал, что, возможно, рассказывает ей больше, чем следовало бы, о предстоящих сделках или внутренних секретах компании. Но она всегда давала отличные советы, и он полностью доверял ее мнению. Часто она подавала прекрасные идеи, до которых он сам не додумался бы. И при том, сколько делала для детей и для него, она успевала работать волонтером в убежищах для бездомных и заседала в нескольких благотворительных комитетах. В своей общественной работе она не знала усталости, была членом родительского комитета школы в Россе и участвовала в делах детей. Маршалл не мог и мечтать о лучшей жене. Оба они были непрерывно заняты: он – своей работой, она – детьми, всем тем, что делала в помощь ему, и благотворительностью, которая так много для нее значила.

Маршалл чувствовал себя так, будто они партнеры в той жизни, которую построили вместе: вполне комфортной, уютной и успешной. Лиз не была страстной, но страсть ей с лихвой заменяли преданность, честность, надежность и ум. Все, за что бы ни бралась, она делала хорошо. Она могла бы послужить образцом для всех известных ему жен высокопоставленных служащих. И он гордился ею, когда они принимали у себя клиентов или членов совета директоров МОИА. Их совместная жизнь напоминала содержащийся в образцовом порядке корабль, и она всегда была удовлетворена тем, что он стоял у руля. Лиз не желала соревноваться с мужем или строить собственную карьеру. Она никогда не жалела о том, что не стала адвокатом, но использовала свои знания для того, чтобы лучше понять то, чем он занимался, пока возила мальчиков на футбол, а Линдсей – в художественную или балетную школу.

Маршалл въехал на подъездную аллею, поставил «астон-мартин» в гараж и вошел в дом через черный ход. Их дом был великолепен, с высокими потолками, прекрасными застекленными крышами, внушительной лестницей и антикварными полами из твердых пород дерева, которые они привезли из Европы. А кухня, где, как он знал, найдет сейчас Лиз, была настоящим произведением искусства, с длинными черными гранитными рабочими столами, со всей необходимой встроенной техникой и застекленным атриумом, где они обычно ели. Столовую они использовали, только когда принимали гостей.

Когда Маршалл вошел в кухню, Линдсей о чем-то спорила с матерью. Лиз готовила ужин для него, и в кухне стояли соблазнительные запахи. Предметом текущего спора, как оказалось, был концерт на Рашен-Ривер, который Линдсей хотела посетить с друзьями в эти выходные. Лиз уже несколько раз ответила отказом и не сдавала своих позиций.

– Ну почему нет? Все туда едут! – с возмущением говорила Линдсей, когда Маршалл вошел в кухню и поздоровался.

Линдсей проигнорировала отца, а Лиз улыбнулась и подставила ему щеку для поцелуя, после чего протянула бокал белого вина и подвинула тарелку с сырыми овощами и соусом. Линдсей даже ухом не повела.

– Я уже сказала, – холодно произнесла Лиз, – что это пристанище для наркоманов. Там собирается слишком много нежелательной публики. Я не хочу, чтобы ты туда ехала.

Лиз выглядела совершенно спокойной, а Маршалл потягивал вино и наблюдал за знакомой сценой.

– Я еду, чтобы слушать музыку, а не принимать наркотики.

В ее случае это было правдой.

– Рада это слышать. И все равно я не разрешаю тебе ехать туда. Займись в выходные чем-нибудь другим. Кстати, у тебя экзамены на следующей неделе. Тебе нужно позаниматься. В этом году экзамены особенно важны для твоего поступления в колледж.

– Ты же знаешь, что я хочу сделать перерыв на год, после того как окончу школу, – пренебрежительно сказала Линдсей, и Маршалл с удивлением посмотрел на нее.

– С каких это пор?

– Я говорю об этом весь год. Вы никогда меня не слушаете, – проворчала в ответ она.

Лиз достала из духового шкафа ростбиф, и Линдсей состроила гримасу.

– Я слушал, но никогда на это не соглашался, потому что считаю это плохой идеей.

Линдсей ненавидела школу, и Маршалл опасался, что она вообще не станет поступать в колледж, хотя образование считалось в их семье очень важным. Оба ее брата с прекрасными результатами закончили школу и продолжали учебу: один в Стэнфорде, другой – в Боулте.

Линдсей посмотрела на отца с отвращением и выбежала из кухни. Моментом позже до них донесся знакомый звук захлопывающейся двери. Лиз спокойно нарезала ростбиф, который выглядел как иллюстрация в журнале для гурманов. Линдсей поела раньше, потому что не выносила вида красного мяса.

– Не представляю, как ты ее выдерживаешь целый день, – с раздражением сказал Маршалл.

– Она перерастет это. Для ее возраста такое поведение типично. – Лиз выглядела так, будто перепалка с Линдсей ее совсем не задела, и улыбнулась мужу: – Как прошел день?

– Интересно, – сказал он, радуясь встрече с женой. Для него она была старым другом, лучшим другом за последние двадцать семь лет. – Сегодня на рынке акций был рост, что всегда воодушевляет.

– Да, я знаю.

Она упомянула скандал, который обсуждался в новостных программах. Один генеральный директор, с которым они были знакомы, обвинялся в продаже внутренней информации. Лиз всегда была в курсе всех новостей бизнеса, и с ней было интересно поговорить об этом.

Как обычно, она застелила стол свежей скатертью, а по все еще влажным волосам он догадался, что только что приняла душ. В безукоризненно белоснежной рубашке и тщательно отутюженных джинсах Лиз до сих пор выглядела свежей и миловидной, как и тогда, когда он женился на ней. Прямые светлые волосы до плеч она оставляла распущенными, редко пользовалась косметикой за исключением тех случаев, когда они выходили в свет, и у нее были изящные руки с коротко подстриженными ухоженными ногтями. Ее единственной слабостью был еженедельный маникюр и педикюр, и ногти у нее на ногах всегда покрывал ярко-красный лак.

Мясо было приготовлено именно так, как любил Маршалл, – со свежими овощами на пару. Лиз следила, чтобы муж ел только здоровую пищу и не прибавлял в весе. Возвращение домой было похоже на поход в ресторан, где подавали только его любимые блюда. Он почти уже перестал замечать это, но ему нравилось, как она готовит. Она научилась этому ради него, так же как выучила французский и испанский, чтобы общаться с его иностранными клиентами. Их всегда поражало, насколько хорошо она владела этими языками, да и сам он был поражен не меньше. Лиз даже знала несколько фраз на японском и китайском. В общем, что бы ни делала, в конечном итоге Лиз старалась для него.

Они наполовину закончили ужин, когда Лиз упомянула кинофестиваль, который хотела посетить на следующий день. Она знала, что события культурной жизни мало интересовали Маршалла, но время от времени ей удавалось уговорить его пойти с ней. Маршалл предпочитал мероприятия, связанные с его деловой активностью. Он был очень увлечен своей работой, и она тоже, но смотрела на жизнь более широко и получала удовольствие и от других вещей.

– У меня есть билеты на завтра. Что ты об этом думаешь? – спросила она, с надеждой глядя на него, но он тут же покачал головой.

– Я еду в Лос-Анджелес завтра. На этой неделе придется провести там лишний день. У нас возникли кое-какие проблемы в офисе, и мне кажется, им нужен кто-то из высшего руководства, чтобы разрешить их, поэтому я отправлюсь туда на день раньше. Почему бы тебе не пригласить кого-нибудь из подруг? –

предложил он, глядя на нее с облегчением.

Маршалл каждые четверг и пятницу работал в лос-анджелесском офисе в течение последних десяти лет. Когда они были моложе, это давало ей возможность проводить больше времени с детьми, и сейчас они уже привыкли к такому распорядку. Он уезжал в четверг утром и возвращался в пятницу вечером, чтобы подготовиться к выходным, хотя всегда бывал очень уставшим после этих поездок и предпочитал проводить пятничные вечера дома.

– Кстати, – добавил он, – в эти выходные приезжают наши клиенты из Японии. Я играю с ними в гольф в субботу и воскресенье, вот и подумал, что неплохо было бы пригласить их на ужин в субботу вечером.

– Ты хочешь пригласить их домой?

У Лиз была хорошая знакомая кейтеринговая компания, услугами которой она пользовалась для особо важных приемов, чтобы иметь возможность уделить больше внимания гостям.

– Японцы любят модные рестораны, и к тому же приезжают с женами. Я думал, может быть, сводить их в «Гэри Данко» или в «Ритц». К тому же тебе будет меньше хлопот.

Он улыбнулся. Лиз убрала со стола и подала свежие фрукты на десерт.

– Извини за фестиваль. Мне очень жаль, что так получилось, – сказал Маршалл с виноватым видом, и она рассмеялась, потому что слишком хорошо его знала.

– Нет, тебе не жаль. Ты ненавидишь подобные мероприятия. Я просто решила спросить – так, на всякий случай. Я приглашу подругу.

У Лиз было много подруг: с одними она занималась благотворительностью, дети других учились вместе с их детьми. Ей редко удавалось уговорить Маршалла куда-то с ней пойти – это она считала нормальным, ценой, которую платила за то, что была женой успешного бизнесмена. Лиз привыкла к тому, что Маршалл занят на совещаниях, или путешествует по стране, или проводит массу времени в Лос-Анджелесе, или устал, или просто не в настроении. Он заставлял себя

куда-то с ней пойти, если чувствовал, что это очень важно для нее. Он знал, что фестиваль не так уж важен, хотя она получила бы удовольствие. К тому же Лиз прекрасно научилась развлекать себя в его отсутствие.

После ужина Маршалл поднялся наверх и принял душ, потом сел читать отчеты, которые принес домой, в то время как Лиз, свернувшись калачиком на кровати, читала книгу. Когда она заходила к Линдсей пожелать доброй ночи, та разговаривала по телефону с друзьями о концерте, который ей придется пропустить, и мрачно посмотрела на мать, но все же позволила поцеловать на ночь. Вечера в их доме всегда были мирными и тихими, особенно теперь, когда с ними оставалась только Линдсей.

Лиз скучала по мальчикам и была рада, что оба выбрали место учебы неподалеку от дома: по крайней мере, она время от времени виделась с ними. А через год, когда Линдсей тоже уйдет, в доме и вовсе воцарится мертвая тишина. Она грозилась поступить в колледж на западе, после того как вернется из своих заграничных путешествий. Так что Лиз знала, что у нее остался только год, после которого гнездо опустеет и ей придется очень тяжело. Она подумывала о том, чтобы проводить день или два с Маршаллом в Лос-Анджелесе: у него там имелась квартира. Лиз никогда не хватало времени ездить с ним, к тому же он всегда был очень занят на работе. И ей не хотелось оставлять одну Линдсей, для которой соблазн попасть в какую-нибудь переделку был бы слишком велик. В результате Лиз не ездила в Лос-Анджелес с Маршаллом очень давно: берегла время для более важных поездок, например в Европу, или на Дальний Восток, или в Нью-Йорк, которые очень любила и заранее планировала. Они были одной из многих замечательных сторон их жизни.

Ближе к полуночи Маршалл наконец отложил работу и лег в кровать рядом с Лиз, которая к этому времени уже тоже с трудом боролась со сном. День был очень насыщенным для обоих, к тому же ему предстояло встать очень рано на следующее утро, чтобы вылететь в Лос-Анджелес на самолете компании. Это было намного легче, чем летать регулярными рейсами, тратя время на ожидание, задержки и длинные очереди на проверку представителями службы безопасности. Он подъезжал на машине прямо к самолету, поднимался на борт, и они сразу же вылетали в Лос-Анджелес. Такое путешествие было замечательным, и Маршалл никогда не стеснялся использовать самолет компании. Это было одним из многих преимуществ его положения, которыми он наслаждался. И Лиз летала с ним много раз за последние десять лет, и ей тоже это очень нравилось. Это избаловало их.

– Я смертельно устал, – сказал Маршалл, устраиваясь в постели.

Это был его обычный способ дать ей знать, что он не хочет заниматься любовью в эту ночь. Он никогда не делал этого накануне вылетов в Лос-Анджелес, потому что знал, что будет чувствовать себя разбитым, если поздно заснет. И они никогда не занимались сексом в день его возвращения. Он был слишком уставшим после дней, проведенных в Лос-Анджелесе. Чаще всего они занимались любовью по субботам или воскресеньям, если он не был измучен после гольфа. Иногда они вообще пропускали выходные. Но заниматься сексом три-четыре раза в месяц казалось Лиз совершенно нормальным после двадцати семи лет совместной жизни.

Через пять минут он уже спал, и, глядя на мужа, Лиз улыбнулась. Он все еще казался ей ребенком. Он был в отличной форме и выглядел почти так же, как и при первой их встрече почти тридцать лет назад. С того времени он стал ее партнером, ее лучшим другом, отцом ее детей и мужем, о котором она могла только мечтать. Жизни, которую они разделили, можно было только позавидовать. Маршалл был всем, что она хотела и на что надеялась. И даже если их взаимоотношения больше не были страстными и они не забирались в постель по три раза на дню, как в пору молодости, Лиз считала свою жизнь сказочной и все еще любила мужа, а он любил ее. И, по мнению Лиз, после двадцати семи лет супружества это было замечательно и более чем достаточно для нее.

Глава 3

Все утро вторника у Фионы Карсон было расписано по минутам: запланированные интервью с «Вашингтон пост» и «Лос-Анджелес таймс», как она надеялась, несколько смягчат удар от утечки информации. Она не могла откровенно солгать относительно закрытия завода в Ларксбери, чтобы не потерять лицо: признала, что такое вполне возможно, но в настоящий момент все находится на стадии обсуждения, и в свое время решение совета директоров будет объявлено. После этого она постаралась направить разговор в другое русло, рассказав о достижениях компании в других областях и положительных решениях, принятых советом директоров по ряду других вопросов. Учитывая обстоятельства и последствия утечки, это все, что она могла сделать. Из-за этих

взрывоопасных интервью ее день начался со стресса, но улаживать щекотливые дела было одной из ее обязанностей, с которой она прекрасно справлялась.

Фиона заканчивала свои первые совещания после интервью, когда Маршалл Вестон поднялся на борт самолета компании, спокойно и с достоинством.

Он позвонил Лиз, как только устроился в кресле, перед тем как самолет взлетел, и пообещал, как обычно, связаться с ней вечером, совсем забыв, что она собиралась на кинофестиваль.

- Меня допоздна не будет дома, - напомнила она. - Я пошлю тебе сообщение, когда вернусь. Ты, наверное, будешь уже спать. Мне бы не хотелось будить тебя.

- Я иду на ужин с ребятами из офиса после окончания совещаний, но думаю, что это не надолго. Как только освобожусь, напишу.

Это стало привычным способом общения между ними, когда он путешествовал или даже когда оставался в городе. Они переняли привычку переписываться у своих детей, особенно у Линдсей, которая непрерывно кому-то писала и пользовалась смартфоном уже с четырнадцати лет. Это было ее основным средством общения с окружающим миром, и Лиз тоже сочла его весьма удобным.

Самолет поднялся в воздух несколькими минутами позже. Всего в самолете было двенадцать мест, но Маршалл путешествовал в одиночестве. После взлета стюард принес ему кофе и положил аккуратно сложенные «Нью-Йорк таймс» и «Уолл-стрит джорнал» на столик рядом с сиденьем, хотя Маршалл предпочитал читать их в электронной версии. Большую часть времени он читал сводки о доходах, а когда самолет приземлился, его уже ждала машина, чтобы отвезти в офис. Без четверти десять он был на месте и уже через двадцать минут сидел на совещании. В шесть часов работа закончилась, и водитель отвез его домой, в квартиру на бульваре Уилшир в Беверли-Хиллз, и как только они подъехали к дому, он отпустил водителя. В Лос-Анджелесе он предпочитал водить машину сам, а к услугам водителя прибегал, когда нужно было забрать его из аэропорта или, наоборот, отвезти туда. Но держал свою машину Маршалл в Лос-Анджелесе: старый «ягуар», который купил несколькими годами ранее, был идеальной машиной именно для этого города.

Он написал Лиз, пожелав приятно провести время на кинофестивале, принял душ и в пятнадцать минут восьмого спустился в лифте в гараж, находившийся в здании, сел в «ягуар» и направился в сторону океанского побережья. Доехав до океана, он свернул направо, на Пасифик-Кост-хайвей и направился в сторону Малибу. Шоссе было загруженным, как и всегда в это время суток, но Маршаллу это не испортило настроения, и он включил радио. Во время этих двухдневных поездок в Лос-Анджелес он всегда чувствовал себя словно на каникулах, и ему приятно было бывать здесь, в более теплом климате. Местная городская жизнь казалась более праздничной, чем жизнь на севере.

Ему понадобилось полчаса, чтобы доехать до здания, расположенного по знакомому адресу. Это был слегка обветшалый домик с белыми ставнями и слегка покосившимся частоколом, похожий скорее на коттедж, но Маршалл знал, что он гораздо больше, чем кажется. Он проехал по подъездной аллее и остановился около гаража, где на земле лежали рядышком два розовых велосипеда, а в дом вошел через черный ход, как обычно незапертый. Пройдя мимо большой, слегка захлавленной кухни, он открыл дверь в огромную, залитую солнцем комнату, отделанную как студия художника, в которой прелестная молодая женщина сосредоточенно работала над большим полотном. Грива ее светлых вьющихся волос была небрежно заколота на затылке. На ней была мужская майка, сильно поношенная и забрызганная краской, и ничего под ней. Обрезанные джинсы, превратившиеся в очень короткие шорты, открывали испачканные краской длинные стройные ноги в резиновых шлепанцах.

Она удивилась, увидев гостя, а потом медленно опустилась на стул и улыбнулась.

– Ты здесь?

Она выглядела довольной.

– Я говорил тебе, что приеду во вторник на этой неделе, – напомнил он, приближаясь к хозяйке дома и окидывая ее жадным взглядом.

– Я забыла, – сказала она без недовольства.

Напротив, ее лицо расплылось в широкой улыбке, когда он приблизился к ней. Она отложила кисть и вытерла руки полотенцем. На нем были джинсы и

расстегнутая синяя рубашка, и его не волновало, что она испачкает его краской. Такое случилось и раньше. Она протянула к нему руки, и он обнял ее, на мгновение зарывшись лицом в гриву курчавых волос, а потом нетерпеливо поцеловал в губы. Это был обжигающий поцелуй, пронзивший обоих.

– Я так скучаю по тебе, – хрипло сказал он, уткнувшись носом в ее шею, и она снова поцеловала его.

– Ты знаешь, как решить эту проблему, – мягко произнесла она без всякой злости.

Они оба знали решение, но это было невозможно для него все последние восемь лет.

– Я тоже скучала по тебе, – прошептала она и опять поцеловала его.

В ней было столько чувственности, которой Маршалл не мог противостоять с того дня, как встретил ее, и она испытывала то же самое по отношению к нему.

– Где девочки? – спросил он шепотом. Пять дней в неделю он жил в ожидании этого момента.

– В гимнастическом зале, с няней. Они скоро вернуться, – сказала она, замерев в его объятиях.

Он крепко прижал ее к себе, и она почувствовала, что он хочет ее так же сильно, как она сама хотела его.

– Как скоро? – спросил он, и она хихикнула.

В ней оставалось что-то по-девичьи очаровательное, но при этом она была женщиной до кончиков пальцев и каждая частичка ее тела возбуждала его.

– Может быть, через полчаса.

Он подхватил ее на руки и понес в спальню. Она была достаточно высокой, но худенькой и легкой как пушинка. Мгновением позже он усадил ее на кровать,

сорвал с себя одежду, а она стянула свою поношенную, забрызганную краской майку, шортики и стринги. Через минуту оба были обнажены и прильнули друг к другу, охваченные страстью, которая сжигала их уже восемь лет. Этот пылкий союз возник с того момента, как они встретились. Она временно работала секретарем в его офисе в Лос-Анджелесе, а через месяц, когда уволилась, между ними возник роман, и Маршалл был не в состоянии оторваться от нее с тех самых пор. Он никак не мог насытиться ею, она полностью завладела им. Он кончил с громким стоном, который всегда звучал музыкой в ее ушах. Они оба осторожничали, когда девочки были дома, но сейчас в этом не было необходимости и они могли полностью отдаться страсти.

Потом он лежал в кровати и смотрел на нее. Он не понимал, как то, что происходит между ними, может стать еще лучше, но каждый раз это было именно так. Даже несколько дней, проведенных вдали от нее, заставляли его влюбляться в нее снова и снова.

– Я так скучал по тебе эту неделю, – сказал он искренне.

– Я тоже.

Она никогда не спрашивала его, как прошла неделя, как дела на работе или в его жизни в Сан-Франциско, – не хотела этого знать. Они жили настоящим моментом, без прошлого и без будущего. Эшли Бриггз стала женщиной его мечты.

Она была талантливой художницей, и он купил ей этот дом в Малибу семь лет назад. С тех пор она и жила здесь. Они услышали, как хлопнула входная дверь и внизу раздались голоса, и тотчас выскочили из кровати, быстро оделись и спустились по лестнице с виноватым видом. Внизу стояли две совершенно одинаковые прелестные девчушки в спортивной одежде, с такими же буйными волосами, как у матери. Они посмотрели на Маршалла с восторгом, взбежали по лестнице и бросились к нему, едва не опрокинув, а он, смеясь, прижал их к себе. Здесь он был совершенно другим человеком, как и все годы с ней.

– Папа! Ты дома! – в восторге закричала Кендалл, когда Маршалл пощекотал ее.

Кассия просто прижалась к нему со счастливой улыбкой. Кендалл была старше сестры-близняшки на четыре минуты и никогда не давала Кассии забыть об

этом. Она претендовала на первенство во всем на основании своего старшинства, но Маршалл любил обеих. Они вошли в его жизнь, словно два ангела, а Эшли была тем ангелом-хранителем, который подарил их ему. Он никогда никого так не любил, как Эшли и их дочерей. То, что связывало его с Лиз, было союзом разума. Здесь же была любовь, такая, какой он не знал прежде.

– Как прошли занятия? – спросил он девочек так, словно виделся с ними утром.

Они привыкли к графику отца и считали, что видеть его только два дня в неделю – нормально. Так было в течение всей их жизни, и они уже не задавали вопросов. Мать объяснила им, что папа вынужден уезжать на работу в Сан-Франциско на пять дней в неделю, а потом приезжает на два дня, чтобы побыть с ними. Все остальное время девочки проводили с матерью и няней. Это не было идеальным решением для обоих родителей, но они, похоже, смирились. Так проходили годы.

Дети появились случайно, но это была счастливая случайность. Когда Маршалл и Эшли встретились, ей исполнилось двадцать два, а в двадцать три родилась двойня. Вот так и случилось, что сейчас, в тридцать лет, она вела такую жизнь с человеком, который не мог решиться бросить жену и старших детей. Сначала, когда она забеременела, он пообещал развестись и жениться на ней, но потом решил, что его дети еще слишком малы. Позднее находились другие причины. Эшли надеялась, что он наконец отважится на решительный шаг, когда Линдсей уедет учиться в колледж. После этого ему уже трудно будет найти отговорку. Он боялся также возможного скандала и последствий для своей карьеры, если окружающие узнают о существовании Эшли и обстоятельствах их знакомства. Крупные корпорации не всегда снисходительно относились к тому, что их глава оказывался в центре скандала из-за связи с молодой женщиной и рождения внебрачных детей. Это могло повлиять на рынок акций, что было еще хуже. Было трудно объяснить все это Эшли, когда она вынашивала его детей. Она каждую ночь засыпала в слезах, после того как он отказался развестись с женой. Но сейчас, после стольких лет, его дети в Сан-Франциско уже выросли и она знала, что он не может жить без нее. Она молилась, чтобы рано или поздно он наконец расстался с Лиз и переехал жить в Лос-Анджелес.

Перед самым рождением детей он купил ей этот дом, чтобы как-то успокоить ее, и он же оплачивал все ее счета. Он купил бы ей и бо?льший дом, но она захотела именно этот, и они с девочками были вполне счастливы здесь. Дом идеально

подходил для Эшли, да и сам Маршалл любил здесь бывать. Для него это было самым уютным местом в мире, особенно когда он лежал в объятиях Эшли в их большой кровати. Тем не менее, когда он бывал в Россе, тамошняя жизнь казалась для него не менее идеальной. Он любил Лиз и тот образ жизни, который они вели столько лет. По правде говоря, он любил обеих женщин. Они прекрасно дополняли друг друга, и хотя он никогда бы не признался в этом, но нуждался в обеих – правда, по-разному.

– Пойдемте куда-нибудь ужинать? – предложил Маршалл, и Эшли заколебалась.

Когда приезжал к ним в Малибу, он привозил с собой атмосферу праздника, и она позволяла баловать дочерей, поскольку они общались с отцом всего два дня в неделю.

– Да! Да! Да! – с восторгом закричали девочки в ответ на предложение, и все дружно отправились в любимый соседний китайский ресторанчик.

Когда настало время ложиться спать, они вернулись домой, и Эшли уложила девочек в постель. Они делили комнату на первом этаже, находившуюся прямо под ее спальней. Маршалл зашел к ним, чтобы подоткнуть одеяло и поцеловать на ночь.

– Они любят, когда ты дома, – тихо сказала Эшли, когда он вернулся в спальню.

Она лежала в кровати, довольная после ужина и секса. Маршалл, перед тем как подняться наверх, отправил сообщение Лиз, пожелав спокойной ночи, и теперь был спокоен, что она не будет звонить ему, выйдя из кинотеатра.

– И я тоже очень люблю бывать с вами, – ответил Маршалл, и Эшли знала, что это правда.

Потом он лег в кровать рядом с ней и стал разглядывать знакомый потолок. Он знал все трещинки и разводы на нем и провел множество часов, лежа здесь и думая о ней и о том, как ее любит. Он не мог теперь представить своей жизни без нее, но когда возвращался в Росс, также не мог представить своего существования и без Лиз. Это было единственной мучительной проблемой в его жизни, и он откладывал ее решение уже восемь лет.

Эшли знала все про Лиз, а Лиз ничего не знала о ней. И Маршалл делал все, что было в его силах, чтобы так оно и оставалось. Хотя бы пока, на время. Он не хотел причинять боль Лиз или подрывать любовь и уважение, которые они испытывали друг к другу. Но обветшалый домик в Малибу был местом, где он действительно жил полной жизнью, с Эшли и их дочерьми, которые стали настоящим подарком для него самого с момента появления на свет. Он вылетел из Сан-Франциско, как только у Эшли начались схватки, провел долгие часы в госпитале рядом с ней, присутствовал при их рождении и сам обрезал пуповину. Он провел тогда в Лос-Анджелесе две недели, уверив Лиз, что у него огромное количество совещаний, которые он не может отменить. Он оставался с Эшли, пока она не наладила свою жизнь с детьми, а потом нанял сиделку, которая помогала, когда его не было рядом. Эшли много плакала, но к моменту его отъезда уже простила его. Она была эмоционально очень возбудимой как до, так и после родов, но никогда даже не рассматривала вопрос о том, чтобы прервать беременность. Она хотела этих детей. И никто в офисе не знал о том, что произошло, только ближайшие друзья Эшли, которые были невысокого мнения о Маршалле. Он был человеком, который вел двойную жизнь, что казалось им всем бесчестным. Только сама Эшли понимала и прощала его, зная, что никто не разделяет ее чувств. Ее друзьям было известно лучше, чем ему, сколько Эшли пролила слез в его отсутствие. Сама же она скрывала это от дочерей и описывала им отца как героя, чтобы они не винили его за ее слезы.

Перед сном они снова занимались сексом. Потом он тихо уснул, обессиленный, в ее объятиях. Она же лежала рядом с ним, обнаженная, благодарная за каждый момент, проведенный вместе. Она мирилась с этой мучительной ситуацией в течение долгих восьми лет, пока он рядом с ней воплощал в жизнь все свои мечты. Она понимала, что это несправедливо по отношению к девочкам и к ней самой, но любила Маршалла и надеялась, что в один прекрасный день она победит и они смогут вести нормальную жизнь, не прячась от людей. Пока же она была исключительно счастлива и удовлетворена всего два дня в неделю.

Глава 4

Когда Маршалл приезжал в Малибу, Эшли чувствовала себя так, будто они обычная семья, ведущая размеренную жизнь. Он завтракал с ней и с девочками, потом отвозил их в школу. Они очень любили эти моменты и радостно щебетали в машине. Он сажал обеих на крошечное заднее сиденье «ягуара» и проезжал

несколько кварталов до школы, поддразнивая их и рассказывая смешные истории. Его отношения с близняшками были совершенно другими, не такими, как со старшими детьми. Мальчики были более жесткими и сильными, и их связывал с ним в основном спорт, а Линдсей всегда была трудным ребенком, даже в раннем детстве. Она спорила, часто протестовала и всегда была сорванцом, подражая братьям, которых считала героями. Кассия и Кендалл же были забавными, женственными, кокетливыми и такими же красивыми и очаровательными, как и их мать. Любовь Маршалла к ним была как бы продолжением его любви к Эшли. И ему нравилось, что дочери такие хорошенькие и так любят его. Люди замечали Эшли и девочек, где бы те ни появились: они составляли поразительно красивую группу.

Лиз управляла семьей так рационально, что у детей почти не оставалось времени на разные причуды и забавы. Эшли же была такой творческой и непредсказуемой личностью, что все, чем бы девочки ни занимались, казалось чудесным. Он не мог бы так жить каждый день, но был счастлив на два дня в неделю превратиться в короля волшебной страны, где Эшли и их дочери были феями. Он не мог противостоять такому соблазну.

На работу Маршалл отправлялся в прекрасном настроении и редко задерживался в офисе: спешил вернуться домой, к Эшли. Обычно они ходили куда-нибудь поужинать или заказывали китайскую еду на дом, но иногда и готовили сами. Эшли, самая соблазнительная женщина из всех, кого он когда-либо знал, была неважной домохозяйкой и уж тем более кухаркой. Повсюду царил художественный беспорядок. И Маршалл всегда чувствовал себя как мальчишка, находясь рядом с ней. Казалось, все его заботы и тревоги исчезали, и он или играл с детьми, или проводил время в постели с Эшли. Быть частью ее мира казалось волшебством. И она чувствовала себя так же, когда он был рядом. Он был центром ее вселенной. Последние восемь лет ее жизнь вращалась вокруг него, исключая все остальное, кроме детей.

Тяжелее всего было расставаться в пятницу утром. Он отвозил девочек в школу и обычно возвращался, чтобы какое-то время еще побыть с Эшли. Чаще всего они занимались сексом, иногда в спешке, прежде чем он уезжал в офис. Возвращаться в Сан-Франциско он любил после обеда, чтобы успеть заехать на работу и провести там несколько часов перед выходными. Все было расписано по минутам и прекрасно налажено, но все равно его сердце разрывалось всякий раз, когда самолет взлетал и он понимал, что не увидит ее целых пять дней или четыре, если ему удастся найти предлог вернуться в Лос-Анджелес пораньше.

Все выходные он чувствовал себя оцепеневшим, поэтому часто проводил оба дня на поле для гольфа. Каждый раз, покидая Эшли, он словно испытывал чувство тяжелого похмелья.

К полудню в пятницу, каждую неделю, Эшли впадала в глубокую депрессию. Она даже не могла послать ему сообщение. Она согласилась играть по его правилам и строго придерживалась их. Она должна была ждать, пока он сам даст знать о себе, и не могла связаться с ним ни в Сан-Франциско, ни даже в его офисе в Лос-Анджелесе. Из-за этого она часто впадала в панику, когда он уезжал, понимая, что он находится вне досягаемости и она должна ждать, пока он свяжется с ней сам. Что, если что-нибудь случится с одной из девочек? Она знала, что в этом случае может позвонить, хотя это почему-то только ухудшало дело. Она не могла позвонить, чтобы просто услышать его голос. Он всегда звонил ей, перед тем как уехать из офиса в пятницу, а в выходные дни – с поля для гольфа, но единственным временем, когда он находился в зоне доступа для нее, были те дни, которые он проводил в Малибу, и осознание этого с течением лет становилось для нее все тяжелее. Теперь ей трудно было продолжать такую жизнь: в тридцать лет, имея двух детей, она хотела большего.

В пятницу днем она сидела в своей студии, уставившись в пустоту, будто осиротевшая, когда к ней зашла подруга Бонни. Она видела такое выражение на лице Эшли тысячу раз и знала, что тому причиной. Бонни ненавидела Маршалла за то, что он сделал с подругой, и, что самое плохое, с ее же согласия. Из-за любви к нему и детям она безмолвно согласилась быть тайной его жизни и стала уже совсем не той, что восемь лет назад. Она жила ради Маршалла и ради будущего, которое, по убеждению Бонни, он никогда не согласится разделить с ней. Что бы он ни обещал Эшли, Бонни больше не верила, что он оставит Лиз.

– Привет, – уныло сказала Эшли, когда Бонни вошла в студию.

На ней были те же шорты и майка, что и накануне, потому что они еще хранили его запах. Маршалл поступал прямо противоположно и тщательно переодевался, перед тем как покинуть Лос-Анджелес, чтобы ничто из того, что он носит дома, не выдало ее присутствия в его жизни. Последние восемь лет Маршалл продумывал все мелочи, чтобы сберечь свою двойную жизнь, и превратил это в целую науку. Эшли даже не подозревала, насколько он осторожен.

– Узнаю этот взгляд, – сказала Бонни, с неодобрением глядя на подругу, на ее сгорбленные плечи.

Эшли сидела напротив чистого холста, уставившись в пустоту.

Бонни – ее самая давняя подруга, они знали друг друга с детства – работала помощником директора на киностудии художественных фильмов, и в настоящий момент у нее был перерыв между съемками. Она всегда весила на десять – пятнадцать фунтов больше, чем следовало, и уже с год у нее не было приятеля, что давало ей возможность проводить много времени с Эшли и девочками. И ее сердце разрывалось от жалости, когда она видела, как подруга чахнет из-за Маршалла, продолжая надеяться, что он бросит жену, и губит свою жизнь ради него. Бонни считала, что их встреча была самым плохим событием в жизни Эшли, несмотря на прелестных детей.

– Что будем делать в эти выходные? – спросила Бонни, доставая из холодильника диетическую кока-колу.

Она все время сидела на какой-нибудь диете, но это мало помогало.

– Не знаю, – ответила Эшли с отсутствующим взглядом.

Иногда она два дня приходила в себя после его отъезда. Она так и не привыкла к этому. Иногда не могла выйти из этого состояния до его следующего приезда. Бонни надеялась, что такое не случится на этой неделе.

– Наверное, будет дождь, – мрачно сказала Эшли.

– А может, и нет. Но если и будет, можно сходить всем вместе в кино.

Несколько минут она молча смотрела на Эшли, которая пыталась собраться с мыслями и все никак не могла. Ей слишком его не хватало. И это было больше, чем Бонни могла вынести.

– Сколько ты еще будешь терпеть все это? – сдавленно произнесла Бонни, полная отчаяния и тревоги за подругу. – Это тянется уже восемь лет. Знаешь, он никогда не оставит ее, до тех пор пока будет иметь возможность продолжать отношения с вами обеими. А поскольку она не знает о твоём существовании, то если кому-то и придется взять инициативу в свои руки, так это тебе. Он никогда не сделает первый шаг, если ты не выступишь на своем.

Она пыталась взывать к чувству собственного достоинства подруги, но та слишком боялась потерять Маршалла.

– Я не могу, – с несчастным видом сказала Эшли. – Что, если он выберет ее?

– Он уже ее выбрал, – напомнила Бонни. – Доказав это тем, что до сих пор не оставил. Его устраивает двойная жизнь, а тебя убивает.

Она была зла на них обоих: на Маршалла – за то, что делал, и на Эшли, которая позволяла ему это. Она своими руками разрушала собственную жизнь. Эта история, старая как мир, выводила Бонни из себя.

– А если он бросит меня? – На лице Эшли был написан панический ужас.

– Это будет болезненно, но зато ты сможешь найти себе достойного мужчину, который захочет полностью разделить твою жизнь, а не уделять тебе только два дня в неделю. – Бонни, как всегда, говорила то, что думала, на правах старой подруги.

– Через год его дочь поступает в колледж. Я думаю, он ждет именно этого. Он не хочет ее расстраивать. Она очень трудный ребенок, – сказала Эшли, повторяя его аргументы.

Бонни слышала это много раз, как и сама Эшли.

– Она не ребенок, Эш. Насколько я помню, ей уже шестнадцать. И у него всегда находится какая-то причина. Его мальчики, его жена, его карьера. Ты понимаешь, что он не изменил ничего за восемь лет? Сколько ты еще будешь позволять ему морочить тебе голову? – Бонни с отчаянием посмотрела на нее. – Ты самая красивая женщина из всех, кого я знаю. Ты красивее многих кинозвезд, с которыми я работаю. Но тебе уже тридцать. Я наблюдаю, как это тянется, с тех пор, как тебе исполнилось двадцать два. Однажды ты проснешься, а тебе уже сорок или пятьдесят, и ты потратила всю свою жизнь на человека, который видится с тобой два дня в неделю, продолжает жить со своей женой, а тебя прячет от людей. Эш, ты заслуживаешь гораздо большего.

Эшли кивнула, пытаясь поверить в это, но общение с Маршаллом напоминало игру на автоматах в Лас-Вегасе: она продолжала надеяться, что, если потерпит еще немного, месяц или год, он в конце концов отважится на решительный шаг. Вместе с тем даже она начала подозревать, что его устраивает существующее положение дел. Ему было проще жить с ними обеими. А чего он в действительности опасался, так это скандала, который мог повредить его карьере. Это был самый важный фактор для него, важнее, чем опасение доставить боль ей или жене.

– Я продолжаю надеяться, что на горизонте появится какой-нибудь сказочный принц и возьмет тебя штурмом. Но ты никогда ни с кем не встречаешься, забившись в свой угол и поджидая Маршалла.

Они обе знали, что Эшли на эмоциональном уровне была отрезана от всего мира. Страстно влюбленная в Маршалла, даже больше, чем восемь лет назад, когда у нее еще оставалась собственная жизнь, теперь она оказалась неразрывно связанной с ним. Она чувствовала себя замужем за ним, в то время как он был женат на Лиз. Бонни не хотелось говорить этого вслух, но она опасалась, что Эшли для Маршалла лишь красивая игрушка, и ни на йоту не доверяла ему.

– Почему бы нам не сходить в кино сегодня вечером?

Бонни была готова почти на все, лишь бы отвлечь подругу и немного подбодрить.

– Да, можно, – вяло согласилась Эшли, но Бонни видела, что она слишком подавлена, чтобы куда-то идти.

Они проходили через это каждую неделю, и обычно к вечеру воскресенья Эшли удавалось справиться с хандрой и стать более похожей на саму себя. Понедельник и вторник проходили относительно спокойно, а в среду Маршалл приезжал и снова сбивал ее с толку, и они проживали в мире своих фантазий два дня, после чего, в пятницу вечером, Эшли снова оказывалась в глубокой эмоциональной яме. И Бонни боялась, что однажды она уже не сможет выкарабкаться из нее. Маршалл медленно, но верно убивал ее.

Днем, перед тем как забрать девочек из школы, они пошли побродить по пляжу и поболтать о том о сем. Бонни удалось рассмешить подругу. Она рассказывала

ей забавные истории, случившиеся на съемках последнего фильма, и какие-то мгновения Эшли выглядела такой, какой была до встречи с Маршаллом, – беззаботной, красивой и счастливой. Бонни надеялась лишь, что она найдет в себе силы вернуться к той прежней Эшли, пока не стало слишком поздно.

Приехав в Пало-Альто в пятницу днем, Маршалл сразу же отправился в свой офис. У него были назначены две важные встречи, а вечером приезжали японские клиенты. Его секретарша заказала на субботу столик в ресторане «Гэри Данко», и он уже пообещал два дня поиграть с ними в гольф в кантри-клубе «Лагунитас», чего те ждали с нетерпением. Он был полностью поглощен своей встречей с японскими клиентами и сделкой, которую надеялся с ними заключить. Эта сделка была очень важна для МОИА, и, приехав в офис, ни о чем другом думать не мог. Отправив коротенькое сообщение Эшли: мол, очень скучает по ней и передает привет девочкам – и еще одно сообщение – Лиз, – чтобы успокоить: он вернулся и появится через несколько часов, – Маршалл с головой ушел в работу.

Больше он не вспоминал об Эшли, пока вечером не сел в машину, чтобы ехать домой. Он попытался позвонить ей, но она прислала сообщение, что с девочками и Бонни ушла в кино. Маршалл не любил Бонни и знал, что это взаимно. Ему не нравилось, что она настраивает Эшли против него, хотя и был уверен, что их с Эшли отношения очень прочные и она любит его так же, как и он ее. Они связаны друг с другом плотскими наслаждениями, страстью, которую разделяли уже восемь лет, и детьми, плодами этой страсти. И то, что их объединяло, было намного сильнее всего, что могла сказать Бонни. Но ему все равно не нравилось ее назойливое вмешательство.

Пересекая мост Золотые Ворота, Маршалл стал думать о Лиз и запланированных на выходные дни мероприятиях с участием японских клиентов. Он знал, что Лиз справится со всем превосходно: она всегда была на высоте, – как знал и то, что Эшли никогда не смогла бы достичь той безупречности, которую демонстрировала Лиз, общаясь с его клиентами в роли жены высокопоставленного служащего. Эшли, слишком взбалмошная и рассеянная, художница и красивая чувственная женщина, не могла заменить Лиз, жену главы корпорации, – это стало профессией, с которой она мастерски справлялась. С Эшли он оживал душой, тело требовало все большего, а Лиз производила неизгладимое впечатление на его клиентов и коллег. Ему нужны были обе: одна для души и тела, другая – для карьеры. И он уважал Лиз так, как

никогда не уважал Эшли и, наверное, не станет уважать. У Эшли были другие таланты, но без талантов Лиз совершенно невозможно гладкое течение его профессиональной жизни и карьеры. Он не мог остановить выбор на одной из них, а потому и не делал этого, хотя Эшли тысячу раз просила его развестись с Лиз. Ему приходилось думать не только о своих романтических переживаниях. В конце концов, он был генеральным директором второй по величине корпорации в стране и не мог игнорировать этот факт.

Маршалл вернулся домой сильно уставшим, как и обычно в пятницу вечером, после двух дней, проведенных в Лос-Анджелесе. Лиз этого ожидала и приготовила очень простой ужин. Линдсей ушла гулять с друзьями, и в доме было тихо. Лиз знала, что рано утром ему предстоит завтрак с японскими клиентами, потом игра в гольф, после чего они все должны отправиться на парадный обед, поэтому ему нужно отдохнуть.

– Пожалуй, я пойду спать, – сказал Маршалл, поблагодарив ее за ужин и поцеловав в макушку.

– Я так и предполагала. Ты выглядишь уставшим. – Лиз улыбнулась. – Поездка в Лос-Анджелес была тяжелой?

Он кивнул.

– Очень много совещаний. Но все было в порядке, когда я уезжал.

Лиз кивнула и проводила его взглядом, пока он поднимался по лестнице, а она убирала со стола. Днем она перечитала свой японский разговорник, чтобы соответствующим образом приветствовать гостей за обедом. Она знала, что ей придется развлекать жен, пока мужчины будут говорить о делах. Для нее это было привычным делом, и она с удовольствием предвкушала встречу. Ей нравилось участвовать в его деловой жизни и делать все, что в ее силах, чтобы помочь ему. В конечном счете такая жизнь намного интереснее и насыщеннее, чем если бы она сама работала адвокатом. По крайней мере она так думала и знала, что Маршалл благодарен ей за помощь.

Улегшись в кровать, перед тем как Лиз поднялась в спальню, Маршалл отправил коротенькое сообщение Эшли, чтобы заверить в любви, и тут же стер. Она знала, что отвечать нельзя, когда он дома, в Россе. А когда спустя двадцать минут Лиз

вошла в спальню, он уже крепко спал. Накануне ночью Эшли совсем истощила его силы. Лиз улыбнулась, ложась в постель, радуясь, что он снова дома.

Глава 5

В субботу утром Фиона встретила свою сестру Джиллиан, чтобы поиграть в теннис. Они старались играть по возможности регулярно, но почти в половине случаев одна из них оказывалась занята. Фиону радовали встречи с Джиллиан, они обе были хорошими теннисистками и с удовольствием играли и проводили время вместе. Джиллиан, в отличие от светловолосой Фионы, похожей на мать, была яркой брюнеткой шести футов ростом и на шесть лет старше, жила в Пало-Альто и продолжала общаться со своими пациентами в Стэнфорде, так же как и в те времена, когда училась в ординатуре двадцать пять лет назад. Карьера у нее сложилась, она была успешна и уважаема в своей среде. Она написала две книги по психиатрии для рядовых читателей: одну на тему рисков в семейной жизни – о том, как избежать большинства из них и укрепить отношения, устраивающие обе стороны, другую – о том, как уберечься от депрессии в современном мире. Теперь она работала над третьей книгой – о разнице влияния власти и успеха на мужчин и женщин.

Сделав перерыв в игре, сестры разговорились.

– Ты догадываешься, что являешься прототипом женских героинь моей книги? По крайней мере одной из них. Я годами использовала тебя как подопытного кролика, – сообщила Джиллиан.

Джиллиан никогда не была замужем и не хотела иметь детей, несмотря на то что редко оставалась без мужчины. Она любила мужчин, но ее никогда даже не посещала мысль выйти за одного из многочисленных поклонников замуж. И обычно, после нескольких лет общения, она меняла одного любовника на другого, еще более интересного, после тщательного отбора кандидатур. Мужчины настолько ее обожали, что еще долго после разрыва оставались с ней в дружеских отношениях. Она всегда говорила, что племянник и племянница, дети Фионы, вполне удовлетворяют ее материнские инстинкты, и была очень близка с обоими, часто навещала, чтобы узнать, как у них идут дела. Тетка из нее вышла потрясающая, но что касается матери, такой уверенности не было. «Я

слишком эгоцентрична, – с готовностью признавалась она. – Не смогу бросить то, чем занимаюсь, ради ребенка. Или мужчины». Она вела очень насыщенный и независимый образ жизни. И всегда относилась к своим мужчинам как к объектам для секса, а не как к равным партнерам, независимо от того, насколько они были интеллектуально развиты. Они были так ошеломлены этим, что им это нравилось. Она была откровенно сексуальна даже в свои пятьдесят пять.

– На властных, успешных мужчин власть действует как афродизиак, – сообщила Джиллиан сестре, когда они возобновили игру, и сопровождала свои слова сокрушительной подачей, которую Фиона пропустила, заинтригованная тем, что услышала. – И как анестезирующее средство – на женщин. Вот ты, например. Когда в последний раз ты спала с женщиной?

– Ты рассчитываешь, что я стану отвечать на такие вопросы? – Слова сестры явно шокировали Фиону.

– Если ты не можешь ответить, – с удовлетворением отметила Джиллиан, – я делаю вывод, что ты не можешь даже вспомнить.

– Конечно, могу: два года назад, – слегка обиженно сказала Фиона, возобновив игру.

– Это нелепо для женщины твоего возраста. Кстати, ты даже близко не выглядишь на свои сорок девять. Если бы ты не была столь успешна, могла бы заполучить любого мужика. Проблема в том, что твой социальный статус – генеральный директор крупной корпорации – напрочь их отпугивает. А за мужика в подобном положении бабы в очередь выстраиваются, и он трахает все, что движется. Мужчины, обладающие властью, чувствуют себя сексуальными, ими движет секс. Женщины в том же положении уходят в подполье. Успех очень изолирует, – сказала Джиллиан, когда игра подошла к концу и они встретились у сетки.

Сестра, как всегда, выиграла.

– Не уверена, что соглашусь по поводу анестезии, но успех действительно изолирует, – задумчиво проговорила Фиона.

Покидая корт, они открыли бутылки с водой и сделали по большому глотку. Сестры всегда играли очень энергично – обеих это расслабляло.

– Я думаю, что женщины в твоём положении не чувствуют себя сексуальными, потому что мужчины не обращают на них внимания. Успешные женщины представляют для них угрозу, поэтому они их игнорируют и обращаются с ними как с мужчинами, что разрушительно действует на самовосприятие женщин.

– Возможно, – сказала Фиона. – Я никогда об этом не задумывалась.

– Вот об этом я и говорю. Готова поспорить, что ты не думаешь о мужчинах вообще – слишком занята работой. Мужчины на высоких должностях заводят интрижки обычно с самыми неподходящими женщинами. А когда ты в последний раз слышала, чтобы женщина на высокой должности завела роман с парнем, которого подцепила в массажном салоне? – Фиону такая мысль рассмешила, но Джиллиан очень серьёзно относилась к своей теории. – Вот посмотри на себя. Когда ты в последний раз ходила на свидание или мужчина приглашал тебя на ужин?

Фиона задумалась, но при всем желании не могла вспомнить.

– Не знаю, это было давно... очень давно... но в моём случае провалы в памяти – это благо. У меня было несколько худших в истории свиданий вслепую.

– То же самое говорят и остальные женщины-директора, которых я опрашивала. Нормальные мужчины боятся встречаться с ними, и такие женщины заводят отношения со всякими подонками, которые увиваются вокруг них по разным сомнительным причинам, или ходят на ужасные свидания вслепую, которые устраивают для них друзья.

– Похоже на правду. И ты считаешь, что мужчины в моём положении получают больше удовольствий от жизни?

– Скорее всего, потому, что именно их ищут. Успешный мужчина – это герой, особенно тот, кто наделен властью. Женщина, наделенная властью, автоматически воспринимается как стерва.

Это было правдой, и такой стереотипный взгляд казался Фионе, которая тоже сталкивалась с подобным, слишком печальным. Большинство мужчин, с которыми она встречалась, побаивались ее и не хотели вступать с ней в отношения. А теперь она и сама уже этого не хотела.

– Все хотят встречаться с успешными мужчинами – на таких сейчас большой спрос. И никто или очень редко кто захочет встречаться с успешной женщиной. Мужчины слишком их боятся. Успешные, имеющие власть женщины вынуждены нести этот крест. Хотя не все они стервы, – задумчиво заключила Джиллиан, и Фиона нервно рассмеялась.

– Это обнадеживает. А то я уже начала беспокоиться. Так я отношусь к хорошим или к плохим?

На мгновение она приняла озабоченный вид, и они с бутылками воды в руках уселись на скамейку.

– А ты сама как думаешь? – со сдержанной улыбкой спросила Джиллиан, превращаясь в психоаналитика.

– Не знаю. Наверное, и того и другого понемножку.

– Добро пожаловать в общество нормальных людей. Я тоже не каждый день очаровашка, хотя и не отношусь к высокопоставленным леди, – сказала Джиллиан, и они принялись укладывать ракетки в чехлы.

– В офисе я стараюсь быть строгой, но справедливой, иначе они перестанут со мной считаться, особенно председатель совета директоров. – Сказав это, Фиона подумала о Хардинге Уильямсе. – Но когда была замужем, я старалась оставить гладиаторские доспехи в офисе и быть просто женщиной. По мнению Дэвида, я потерпела сокрушительное поражение в этом вопросе.

– Посмотри, на ком он женился. Ты хотела бы быть такой же? Она милая женщина, но ее главное достижение в жизни – приготовить по рецепту Марты Стюарт[1 - Марта Стюарт – американская телеведущая и писательница, получившая известность и состояние благодаря советам по домоводству. – Примеч. пер.] объемные снежинки для пасхального зайца. Признайся, Фиона, ты не хочешь стать такой. И никогда не хотела.

Джиллиан была бы разочарована, если бы ее сестра этого хотела. Джиллиан очень уважала ее. Фиона была способна на гораздо большее, чего Дэвид никогда не ценил. Фиона тоже хотела большего для себя, к радости Джиллиан. Сестры вели очень разный образ жизни, но в некоторых отношениях были похожи. Обе стремились к высоким достижениям и были перфекционистками, обе относились к себе суровее, чем к остальным, и обе были успешны в своих областях. И Фиона к тому же обладала властью. Джиллиан считала, что таким образом они старались оправдать надежды своих родителей даже после их смерти. И Фиона была согласна с этим. В университете они были образцовыми студентками. Фиона – более мягкой, Джиллиан – более твердой и прямой. И Фионе нравились обязательства, которые накладывало замужество, а Джиллиан – никогда.

Фиона все еще размышляла над тем, что Джиллиан сказала о жене Дэвида.

– Нет, я не хотела бы быть такой, как Дженни, но не уверена, что хочу быть такой, какая я есть. Заметь, по ночам в моей кровати никого, кроме меня, нет. И никто не стучится в мою дверь. Значит, что-то идет не так. Снежинки на пасхальном зайце намного безопаснее, чем женщина, которая управляет крупной корпорацией.

Фиона не выглядела огорченной, говоря это, потому что знала: все это правда, – и Джиллиан тоже этого не отрицала.

– Вот об этом я и говорю. Если бы ты была мужчиной, все гонялись бы за тобой. Женщине же найти достойного мужчину намного труднее. Особенно такого, которому ты нравилась бы такая, как есть, и кто не злился бы из-за этого.

– Ну и что в таком случае я должна сделать? Сменить пол, чтобы иметь возможность ходить на свидания, если мне вдруг этого захочется? – со смехом спросила Фиона.

Она никоим образом не была доведена до отчаяния, и хотя уже не обращала на это внимания, но время от времени думала о том, что приятно было бы иметь кого-нибудь, с кем можно поговорить вечерами после работы или проснуться рядом утром в выходные дни. Этого в ее жизни давно уже не было. А в другое время она была убеждена, что сейчас, в одиночестве, счастливее.

– Нет, тебе нужно найти мужчину с характером, который бы не боялся тебя или твоей работы, не ревновал бы тебя и умел видеть дальше, чем табличка на двери твоего кабинета.

Джиллиан была совершенно серьезна. Она считала, что Фиона должна обзавестись партнером, причем хорошим, что было легче сказать, чем сделать.

– Не думаю, что такой мужчина существует, – ответила Фиона и тихо добавила: – Может быть, я уже слишком стара, – чем возмутила Джиллиан.

– В сорок девять лет? Это просто смешно. Ты можешь прожить еще пятьдесят. Семидесятипятилетние ходят на свидания и влюбляются. Один из моих пациентов женился в прошлом году в восемьдесят девять, и все еще полон сил.

– Они уже на пенсии и не работают генеральными директорами, у которых вообще нет свободного времени. И у меня такое чувство, что, пока я работаю – по крайней мере на этой должности, – ни один мужчина ко мне не подойдет. Не уверена, что это меня огорчает – совсем нет, – и думаю, что просто такова жизнь. И я не брошу свою работу ради свиданий. После развода шесть лет назад, когда я перешла на эту работу, мои свидания нельзя назвать слишком удачными.

– Ты даже и не старалась, – неодобрительно сказала Джиллиан.

– У меня нет времени, – откровенно призналась Фиона. – Я работаю как каторжница, но все же стараюсь общаться и видеться с детьми при каждой возможности. И к тому времени, когда я заканчиваю читать принесенные домой документы, у меня не остается сил, чтобы встать и раздеться. Когда, по-твоему, я должна ходить на свидания? И даже если я пойду, обязательно что-нибудь случится и мне позвонят раз четырнадцать в течение ужина. Ни один мужчина такого не потерпит.

Никто и не терпел за прошедшие шесть лет. И Дэвид ненавидел все это, а в результате возненавидел и ее саму.

Мужчины, которые общались с Джиллиан, были более терпимы в отношении ее, она меньше пугала их, хотя и высказывалась гораздо откровеннее, чем Фиона.

– Настоящий мужчина это переживет, – уверенно сказала Джиллиан. – Может быть, равного положения.

Она и раньше думала о таком варианте для Фионы, потому что ей было тяжело смотреть на то, как та одинока, особенно сейчас, когда дети покинули дом.

– Два генеральных директора? – в ужасе воскликнула Фиона. – Это кошмар. Кроме того, мужчины подобного моему положению встречаются с двадцатилетними. Я уже не котируюсь. И они в основном либо стриптизерши, либо порнозвезды. Я ни та ни другая. Успешные мужчины не встречаются с серьезными, успешными женщинами. Они соображают, что к чему.

– Просто ты еще не встретила подходящего мужчину, – уверенно сказала Джиллиан.

– Может быть, подходящих просто нет. Все подходящие уже женаты, – заметила Фиона.

– И изменяют женам, – со знанием дела объявила Джиллиан.

– Таких мне не нужно, – сухо ответила Фиона.

– Тебе надо чаще выходить из дому и встречаться с людьми, – откровенно заявила Джиллиан.

– Да, может быть, – неуверенно согласилась Фиона. – Вот выйду на пенсию...

Джиллиан мрачно посмотрела на нее и решила сменить тему: начала расспрашивать об утечке информации, о чем прочитала в газете. Фиона объяснила ей ситуацию и возможные последствия, а также рассказала о расследовании с целью выявить источник утечки. Она также упомянула о том, что Хардинг Уильямс опять пытался осложнить ей жизнь, что возмутило Джиллиан.

– Какого дьявола ему нужно?

– Ты забыла, он был другом Джеда Айвори в Гарварде. Он винит меня за нашу связь, за развод Джеда и с тех пор обращается со мной как с грязью.

Фиона улыбнулась, хотя временами он сильно ей докучал.

– Господи, да ты же была еще ребенком. Джек уже не жил со своей женой, когда ты встретила с ним. И он что, забыл, что Джек путался еще с кем-то, пока ты верила его дерьмовым рассказам о настоящей любви? Я тебя умоляю!

– Хардинг в это не верит и никогда не поверит. Он всегда считал Джеда святым, потому что учился с ним вместе в Принстоне. Школьное братство и вся эта дребедень. Кроме того, я подозреваю, что Хардинг просто ненавидит всех женщин, кроме своей непогрешимой жены, о которой постоянно рассказывает.

– Возможно, у нее есть борода и усы, – предположила Джиллиан, и Фиона громко рассмеялась.

– Должна признаться, она не слишком хороша собой. Но, похоже, он думает иначе. Ну что ж, тем лучше для него! Мне только хотелось бы, чтобы он перестал изводить меня и прекратил корить за то, что я явилась причиной небольшого скандала, происшедшего двадцать пять лет назад. Все это уже быльем поросло. Я практически забыла Джеда, пока снова не столкнулась с Хардингом. Это настолько старая история, что трудно поверить, что его до сих пор это волнует.

Но его это волновало и он продолжал несправедливо обвинять ее.

Они еще несколько минут поболтали о Марке и Элис и о том, чем они занимаются, потом Джиллиан обняла Фиону за плечи и они направились к своим машинам. Фиона всегда любила проводить время с сестрой и ценила ее мудрые советы.

– Я на самом деле думаю, что в твоей новой книге что-то есть. Я никогда не задумывалась над тем, как различаются мужчины и женщины, занимающие одинаковое положение, но мне нравится твоя теория о мужчинах и афродизиаке.

Ей меньше нравилась теория о том, что власть и успех влияют на женщин как анестетик и подавляют их сексуальность, пусть даже только из-за отсутствия возможностей, но она подозревала, что и в этом сестра права. Джиллиан, похоже, прекрасно разбиралась в том, как по-разному власть влияет на мужчин и на женщин.

– Возможно, тебя это огорчит, но я тоже считаю, что в этом что-то есть. Я годами наблюдала это в своих пациентах. Трудно поверить, в какие передрыги попадали мои пациенты мужского пола, если они были облечены властью. Многие из них выкидывали такие номера, на которые ни один человек в здравом уме не отважился бы, ну а потом, когда разгорался скандал, были страшно удивлены. Но я больше не удивляюсь. Я хотела бы, чтобы в твоей жизни было побольше безрассудства, – сказала она, крепко обняв младшую сестру.

Фиона была хорошей женщиной, и Джиллиан считала, что она заслуживает любви достойного мужчины. Джиллиан всегда было легче находить себе мужчин, она была более открыта для взаимоотношений, чем Фиона, которая отказалась от романтических связей в своей жизни и была вполне удовлетворена только детьми и работой.

– Тебе нужно приложить больше усилий, чтобы встретить подходящего мужчину, – мягко сказала Джиллиан, и Фиона удивленно посмотрела на нее.

– Зачем? Я счастлива и так. Кроме того, у меня нет времени для романтических отношений.

– Нет, есть. Ты просто не хочешь приложить усилие или боишься, что тебе опять причинят боль.

Джиллиан всегда называла вещи своими именами.

– Возможно, – признала Фиона.

Последние годы ее замужества были такими горькими, что с тех пор она боялась любых отношений с мужчинами; теперь она прилагала больше усилий, чтобы избегать их, чем завязывать. И те мужчины, которые пытались с ней сблизиться или которых ей навязывали, служили ей прекрасной отговоркой.

– На свете есть хорошие мужчины, – заверила сестру Джиллиан. – Просто нужно, чтобы в следующий раз тебе больше повезло. Дэвид никогда не был правильным выбором для тебя. Просто с годами это становилось все более очевидным. Он всегда завидовал тебе и ревновал тебя к твоей карьере. Он хотел бы быть на твоем месте, но ему не хотелось прилагать к этому усилий, к тому же он не был достаточно умен для этого, поэтому и набрасывался на тебя. Это типичное поведение, когда женщина успешнее, чем ее муж, но это нечестная игра.

Он обвинял и упрекал Фиону годами, как им обеим было прекрасно известно.

– Я думаю, это навсегда излечило меня от желания вступить в брак, – просто сказала Фиона.

– Надеюсь, что не от романтических отношений. Я продолжаю верить, что ты встретишь подходящего мужчину, – откровенно заявила Джиллиан, и Фиона пожала плечами.

– Зачем? У тебя вот сейчас нет мужчины, – заметила она.

Хотя обычно у Джиллиан всегда был близкий друг. Она взяла паузу на несколько месяцев, после того как ее последний любовник внезапно умер от сердечного приступа в пятьдесят девять лет, и она была очень огорчена этим. Они прекрасно ладили в течение двух лет, но обычно отношения Джиллиан с мужчинами дольше и не длились. Они ей наскучивали, и она находила нового партнера.

– Мы с тобой разные. Ты больше подходишь для длительных отношений, чем я. Я убила бы Дэвида через год за его старомодные идеи и суждения.

Она знала, что Фиона вытерпела бесчисленное количество оскорблений от него и терпела до сих пор ради детей. У него всегда находился для Фионы какой-нибудь злобный выпад. Джиллиан считала такое поведение жалким и недостойным, и Фиона была с ней согласна. Но он был отцом ее детей и ей приходилось видеться с ним время от времени, обычно на важных для детей мероприятиях, таких как окончание школы. И всякий раз он был до крайности ядовитым. Это больше не задевало ее, но то, что он был таким мелочным и досадливым, расстраивало детей, которые тоже не могли остановить его, хотя и пытались. И хотя предположительно он был теперь счастлив с Дженни, все

равно казался жалким и злопамятным.

– Ну ты хотя бы заимела детей в результате этого брака, это уже что-то, – сказала Джиллиан, когда Фиона открыла дверцу машины.

– До следующей субботы? – с надеждой спросила Фиона. Они всегда славно проводили время вместе. – Ты сможешь побольше рассказать мне о своей книге, о мужчинах, женщинах и власти. Мне это показалось интересным.

– Мне незачем тебе рассказывать. Ты сама живешь этой жизнью. Как-нибудь я возьму у тебя интервью.

– Всегда к твоим услугам, – сказала Фиона, обняла сестру и села в машину.

Женщины разъехались каждая в свою сторону, и всю дорогу Фиона была в прекрасном настроении, которое еще больше улучшилось, когда, вернувшись домой, она застала там Элис. Та укладывала чистые вещи и стирала грязные, поджидая мать. И она уже упаковала юбку, которую хотела надеть вечером. Элис посылала матери сообщение и знала, что та играет в теннис с ее тетей.

– Как тетя Джил? – спросила Элис, поцеловав мать.

Фиона была счастлива видеть ее дома.

– Отлично. Работает над новой книгой о мужчинах, женщинах и власти. Она считает, что власть превращает мужчин в сексуальных маньяков, а женщин – в монахинь, – подытожила она, и обе рассмеялись.

Элис это тоже заинтриговало, потому что она мечтала сделать такую же карьеру, как и мать, несмотря на подводные камни и проблемы, которые это влекло за собой. Она подозревала, что брак родителей распался из-за этого, чего Фиона не стала бы отрицать. И обе они не были удивлены, что брат Элис предпочел не связываться с миром большого бизнеса. Он полагал, что это будет слишком рискованно для него и сделает его жизнь несчастливой. Он видел, какую цену за успех пришлось заплатить матери, и считал, что сестра сошла с ума, собираясь идти по ее стопам.

- Останешься на обед? – спросила Фиона, и Элис кивнула.

Она была хорошенькой девушкой, очень похожей на мать. Фиона приготовила салат, и они уселись за столик около бассейна. День выдался чудесный. Элис рассказала матери, что у нее появился новый приятель.

- И какой он? – поинтересовалась Фиона.

Она была счастлива оттого, что Элис делится с ней всеми своими секретами. Ей нравилось быть частью жизни дочери, и она всегда была рада уделить ей время.

- Очень приятный, учится на младшем курсе и играет в футбольной команде. Его зовут Джон Вестон. А его папа возглавляет МОИА.

- Сын Маршалла Вестона? – удивленно спросила Фиона. Она встречала Маршалла Вестона несколько раз на слушаниях сенатского подкомитета в Вашингтоне, но не была знакома с ним близко. – Его отец – эталон образцового генерального директора, идеальная модель для обложки журнала. Мне кажется, он тоже играл в футбол за свой колледж, по крайней мере судя по его виду.

- Я познакомилась с ним в прошлые выходные, – небрежно обронила Элис. – Он говорит, что он твой большой поклонник.

- Это он из вежливости, – отмахнулась от комплимента Фиона и изучающе посмотрела дочери в глаза. – У вас это серьезно?

Элис неопределенно пожала плечами. У нее со старших классов школы не было серьезных отношений, но что-то в ее взгляде говорило о том, что на этот раз дело обстоит иначе.

- Возможно. Еще рано о чем-то говорить, но он мне очень нравится. Мы не спешим. Похоже, у него очень милая мама, и его папа мне понравился. У него есть старший брат, который учится в Боулте, и младшая сестра, которая сводит с ума всю семью. Она славная, просто сейчас от нее одни заботы.

Фиона рассмеялась, услышав такое описание. По ее понятиям, это была нормальная семья.

– Может быть, я привезу его на следующие выходные.

– Я буду очень рада, – тепло ответила Фиона.

Они поболтали еще немного. Элис строила планы на лето, которое собиралась провести с друзьями, и сказала, что Марк поговаривает о поездке в Африку со своей девушкой в августе, но это еще окончательно не решено. А Фиона пригласила их обоих в Малибу в июле. Она снимала дом на три недели, и все они с удовольствием предвкушали эти каникулы. Они отдыхали в Малибу каждый год. Элис сказала, что Джон, возможно, приедет к ним на выходные, и Фиону это порадовало. Она хотела узнать его поближе.

Когда со стиркой было покончено, Элис уехала, пообещав заскочить домой на следующей неделе. Фиона была рада, что дочь часто приезжает повидаться с ней. Ее жизнь была бы пустой без детей. И пока коротала время у бассейна, просматривая привезенные из офиса бумаги, она размышляла о сестре и сказанном ею этим утром по поводу того, что она должна приложить усилие и найти себе подходящего мужчину, с которым могла бы разделить свое одиночество. Трудно было представить, что такой мужчина найдется, а если и найдется, она вряд ли захочет впустить его в свою жизнь. Сейчас ее жизнь намного проще, к тому же все платяные шкафы в ее полном распоряжении. Никто не мучил ее и не винил ни за что. Никто не злился на нее из-за карьеры и не обвинял в том, что она что-то сделала не так. Фиона не могла себе представить, что снова согласится пойти на это. В последние шесть лет, после развода, ее существование было временами одиноким, но таким мирным! Она пришла к выводу, что вполне довольна своей жизнью и последнее, что ей нужно, – это мужчина, который все усложнит. Она была намного счастливее в одиночестве, что подтверждало теорию Джиллиан. Успех сделался для нее анестетиком. Та часть ее существа, которая когда-то стремилась к любви, или онемела, или окончательно умерла. И Фиона об этом ничуть не жалела.

Глава 6

Ужин с японскими клиентами, который устроили в «Гэри Данко» Маршалл и Лиз, прошел идеально, и их гости были в восторге. Еда, как всегда, была изысканной, и мужчины весь вечер говорили о делах, пока Лиз занимала жен, используя те

японские фразы, которые выучила. Когда они ехали домой в округ Марин после ужина, Маршалл, очень довольный результатами вечера, рассказал Лиз подробности своей беседы с клиентами. Во время ужина она пыталась прислушиваться к их разговору, но не могла уделить ему все свое внимание из-за гостей.

– Я думаю, что сделка у нас почти в кармане, – с удовлетворением сказал Маршалл, когда они доехали до Росса.

Лиз была безукоризненна – обаятельна, вежлива и скромна. Она, как всегда, держалась безупречно, и он был ей благодарен. И когда они легли в постель, он занялся с ней сексом столько же из чувства долга и благодарности, сколько и из-за любви. Он чувствовал, что многим обязан ей за этот вечер. Она была идеальной женой для его карьеры, и во многих отношениях он был с ней счастлив. И он хотел заняться с ней любовью, чтобы отблагодарить, но внезапно сердце сжалось от тоски по Эшли, настолько жгучей, что едва не задохнулся. Все, о чем он мог думать, обнимая Лиз, – это женщина из Лос-Анджелеса, которую он любил уже восемь лет. Он знал каждую клеточку ее тела, каждую извилину ее души, и его охватило такое страстное желание, что он с трудом удержался и не бросился звонить ей, просто чтобы услышать ее голос.

То, что он испытывал по отношению к Лиз, было совсем другим. Он был благодарен ей за все, что она делала для него, за то, что его жизнь протекала так гладко. Но Эшли была волшебницей, которая добавляла в его жизнь остроту и восторг, а ее любовь была такой нежной. После тридцати совместно прожитых лет занятия сексом с Лиз стали привычными и механическими. С Эшли же он сгорал в огне, к тому же она была на двадцать лет моложе Лиз. Возле нее он чувствовал себя молодым, особенно когда рядом были их дочери, которые приходили в такой восторг, когда он приезжал к ним. С Лиз же он чувствовал себя стариком. Но он нуждался в них обеих, хотя и по-разному. Одной из них ему было бы недостаточно.

После занятия сексом он долго лежал без сна, наконец не выдержал и послал Эшли сообщение из ванной комнаты. Оно было наполнено страстным желанием. Он с трудом мог дождаться среды, чтобы увидеть ее и снова заняться любовью с ней.

В воскресенье утром он опять играл в гольф с японцами. А когда они расстались днем, японцы подтвердили, что сделка состоится. Выходные прошли очень

успешно, о чем он сразу же сообщил Лиз, когда вернулся домой. Та, как всегда, была довольна и горда за него.

Джон приехал на ужин в этот вечер и привез с собой Элис. Когда его родители познакомились с ней поближе, она им очень понравилась. Даже ужасная Линдсей сказала, что она клевая. Они с Элис долго беседовали о музыке в стиле рэп, и Линдсей поразило, сколько Элис знает. На обратном пути в Стэнфорд Элис посмеялась над этим и сказала Джону, что Линдсей славный ребенок. Вернувшись в свой университетский городок, они долго сидели в машине, разговаривали и целовались, пока наконец Элис не отправилась в свое общежитие, а он – в свое. Их отношения складывались хорошо. И ей очень понравилась его семья. Она пожалела, что у нее нет родителей, которые любили бы друг друга и ладили бы между собой. Вестоны казались идеальной парой, и ей стало грустно, что в ее жизни этого не было и никогда не будет. Она решила, что Джону очень повезло с родителями, которые так любят друг друга.

В понедельник Элис позвонила матери в офис, чтобы рассказать о своей поездке к Вестонам. У Фионы выдался беспокойный день. Она повздорила с Хардингом Уильямсом, когда позвонила ему, чтобы сообщить о ходе расследования, которое он опять назвал «охотой на ведьм». Фиона потеряла самообладание и потом злилась на себя за это. Но она так устала от его напыщенности и высокомерия! Она чуть было не назвала его старым дураком, но сдержалась, хотя и была очень недовольна собой из-за того, что позволяет ему действовать ей на нервы. В общем, принимая все во внимание, день получился хлопотным: типичным в жизни генерального директора. Не каждый же день должен приносить удовольствие от работы. Но она была рада звонку дочери, даже в середине рабочего дня, и внимательно выслушала ее рассказ о вчерашнем свидании с Джоном. И то, что у Маршалла Вестона такая крепкая семья и славные дети, утвердило ее в хорошем мнении о нем. Очевидно, он вполне достойный человек, что ее порадовало, и она с нетерпением ждала знакомства с его сыном.

* * *

У Маршалла день выдался не менее беспокойным, чем у Фионы. Его удовлетворила сделка, которую заключил с японцами в выходные дни, поскольку она была важна для МОИА, и он знал, что и совет директоров, и акционеры будут довольны. Ее с большим трудом согласовывали в течение нескольких месяцев, и то, что он довел ее до благополучного завершения,

большая удача. Маршалл заканчивал диктовать отчет об этом председателю совета директоров, когда позвонил их старший юрисконсульт Саймон Стерн и спросил, можно ли зайти. Маршалл ответил утвердительно. Он уже закончил все дела на день, когда Саймон вошел в его офис. Они немного поболтали, потом Саймон осторожно закрыл дверь. Маршалл не мог понять, зачем он пришел и почему у него такой таинственный вид.

Закрыв дверь, Саймон озабоченно посмотрел на Маршалла.

- У нас возникла проблема.

Похоже, он нервничал по поводу того, что должен был сообщить, и Маршалл терпеливо ждал, но услышанное все равно застало его врасплох.

- Нам сегодня позвонил один адвокат, - осторожно начал Саймон, опасаясь разозлить генерального директора. Он не представлял, какова будет реакция, и не хотел сообщать плохую новость. - Похоже, одна из наших бывших сотрудниц, Меган Виллерз, собирается подать на вас в суд за сексуальные домогательства и незаконное увольнение. Она утверждает, что два года назад у вас с ней была связь и вы устроили ее на работу, а когда она с вами порвала, уволили.

Саймон Стерн внимательно посмотрел на босса, ожидая реакции. На Маршалла эти слова произвели впечатление разорвавшейся бомбы.

- Вы это серьезно? Она что, сумасшедшая?

Он был в ужасе от того, что услышал, и совершенно огорошен.

- Может быть, - сказал Саймон, продолжая надеяться, что все это как-нибудь образуется. Но иски такого рода редко образовывались сами собой. Даже если не верить поговорке «Нет дыма без огня», по опыту Маршалл знал, что женщины, предъявляющие обвинение в сексуальных домогательствах, обычно настроены очень решительно и сами по себе не исчезают. Обычно это были женщины, которыми пренебрегли, и они хотели свести счеты либо за неудачный роман, либо за отвергнутые авансы. В обоих случаях они были настроены очень воинственно и жаждали мести и больших денег. - Вы знаете, кто она?

– Я смутно припоминаю это имя, – признал Маршалл. – По-моему, мы нанимали ее для устройства вечеринок для клиентов. Но у меня, безусловно, не было никаких отношений с ней. Я даже не помню, как она выглядит. Кажется, она работает организатором приемов и других подобных мероприятий. Возможно, мы на какое-то время зачисляли ее в штат, но что с ней стало дальше, я понятия не имею.

– Она утверждает, что у вас с ней была связь на протяжении восьми месяцев и вы постоянно встречались в отеле. А когда она захотела порвать с вами, вы ее уволили. И вы правы, она действительно работает организатором корпоративных мероприятий. Я не знаю, почему мы взяли ее в штат, вместо того чтобы работать с ней как с независимым подрядчиком. Она говорит, что это вы предложили ей работу. И она получала на удивление большое жалование. Я проверил в отделе кадров, и мне сказали, что она числилась в штате семь месяцев, после чего мы с ней распрощались. Так что по срокам ее история полностью совпадает.

– Уверяю вас, я с ней никогда не спал, – с трудом выговорил Маршалл.

Вся его карьера промелькнула у него перед глазами, и он с отчаянием понял, что она может вот-вот закончиться с позором.

– Она говорит, что у нее есть доказательства вашей связи. Насколько я понял, это электронные послания и письма, в которых вы делаете намеки и предложения сексуального характера. – Он не мог поверить, что Маршалл вел себя настолько глупо, даже если и спал с ней, но вынужден был доложить обо всем, что сказал ее адвокат. – Но это еще не все. Насколько я понял, она перенесла рак груди и уверяет, что вы это знали. А законы об ответственности за увольнение онкологических больных еще строже, чем за сексуальные домогательства. Если это правда, она держит нас на мушке и в прессе все это будет выглядеть очень неприглядно.

Юрисконсульта явно встревожил нездоровый вид Маршалла.

– Эта женщина лжет. Я никогда никому не писал писем с сексуальными намеками. Зачем мне это делать?

– Мне это тоже показалось маловероятным. Посмотрим, что у нее есть. Она могла написать эти письма сама. Если это так, мы сможем доказать это и отпугнуть ее. Но в настоящий момент они настроены очень агрессивно. Адвокат,

вероятно, работает за проценты и рассчитывает на то, что мы откупимся. И если во всем этом есть хоть капелька правды, мы согласимся им заплатить – конечно, при согласии совета директоров. Они не захотят, чтобы такая история попала в прессу. Ее адвокат говорит, что они предъявят нам иск на следующей неделе. Я думаю, нам нужно переговорить с Конни как можно скорее.

Конни Фейнберг, председатель совета директоров, была женщиной разумной и Маршаллу нравилась, но ни он, ни Саймон Стерн не представляли, как она отреагирует. У них никогда не случалось подобных ситуаций на таком высоком уровне. Для них это было внове, так же как и для Маршалла, чья репутация до сих пор оставалась кристально чистой. Саймон знал Маршалла как отличного семьянина, преданного жене и детям. Им всем придется нелегко.

– Чего она хочет? – с трудом выдавил Маршалл.

Меньше всего он хотел, чтобы такое случилось в его до сих пор безупречной карьере. Ему уже представлялось увольнение, крах карьеры и репутации. При мысли о том, как это отразится на Лиз и детях, к глазам подступили слезы.

– Она хочет миллион долларов. Ее адвокат сказал, что иск будет предъявлен на пять миллионов, но дал понять, что она согласится и на один. Что-то подсказывает мне, что она так просто не отступит. И он утверждает, что у них есть убедительные доказательства ее правоты, – с несчастным видом заключил Саймон.

– Уверяю вас, что это блеф. Я никогда не спал с этой женщиной. У нас не было никакой связи. Теперь я ее вспомнил. Она выглядела как дешевая потаскушка, но при этом организовала для нас несколько хороших мероприятий. Я не знал даже, что мы зачисляли ее в штат, и после этих мероприятий никогда ее не видел.

– Не сомневаюсь, что так оно и есть, Маршалл, – заверил юрисконсульт. – Мне жаль, что это случилось. К несчастью, в наше время такое бывает, вокруг много мошенников. Мы все являемся легкой мишенью для них, особенно люди в вашем положении.

Маршалл кивнул, чувствуя себя совершенно разбитым. Кроме Конни, ему нужно будет предупредить Лиз, на случай если все это попадет в газеты. А со

временем и Эшли. И детей. Все это было похоже на страшный кошмар, и единственное, чего он хотел, – это проснуться.

– Я позвоню Конни. И что нам делать дальше? – подавленно спросил Маршалл.

– Если в этом есть хоть доля правды, будем отчаянно торговаться. Если же нет, подождем, пока она что-нибудь предпримет. Ее адвокат сказал, что вышлет нам копии писем, которые она якобы получала от вас. Кроме того, похоже, у них есть какие-то фотографии. Вероятно, все это подделка. Вы не первый и не последний высокопоставленный служащий, с которым случается такое. Если все это ложь, мы не станем вступать с ней ни в какие переговоры. Разумеется, нам нужно знать точку зрения совета директоров.

Маршалл кивнул, и спустя минуту юрисконсульт ушел, пообещав держать его в курсе событий.

Маршалл долго сидел за столом со слезами на глазах, потом позвонил Конни Фейнберг домой. Она была удивлена его звонком, и еще больше удивилась, когда узнала о случившемся. Ее это, похоже, расстроило, но не шокировало. Она и до этого слышала о подобных историях. Ее собственному брату предъявляли обвинение в сексуальных домогательствах, так что тема была для нее не такой уж незнакомой. И брат выиграл в суде. Его обвинительница была дискредитирована и отказалась от своих показаний.

– Уверяю вас, что все это неправда, – страдальческим голосом сказал Маршалл.

– Я рада, что вы позвонили, – доброжелательно проговорила Конни. – И мне очень жаль, что такое случилось. Хорошо хоть, что она не обвиняет вас в изнасиловании и не обращается в полицию. Я слышала, что и такое случается. Если повезет, она отстанет, не поднимая особого шума. И даже если во всем этом нет и доли правды, с нашей стороны будет лучше вступить с ней в переговоры и заплатить ей какую-то разумную цену, чтобы она замолчала. Конечно, это будет уступкой вымогательству, но иногда умнее просто заплатить, чтобы защитить вашу репутацию, и нашу в том числе, чем начинать войну с какой-то жадной истеричкой, которая может попытаться довести это дело до суда. Я переговорю с членами совета директоров и дам вам знать, каково их мнение. Я бы лично советовала откупиться от нее и заткнуть ей рот, пока это не пошло дальше.

– Но если мы заплатим, не будет ли это подразумевать, что она говорит правду? – спросил Маршалл. – Я не хочу брать на себя вину за то, чего не было. Мне нужно думать и о моей семье. И о МОИА тоже. Меня убивает сложившаяся ситуация и тошнит при мысли о том, что компании придется платить этой сумасшедшей.

– Иногда к этому вынуждает наше законодательство, – практично заметила Конни Фейнберг. Они оба знали, что улаживание претензий, обоснованных или нет, путем денежной компенсации было обычным делом, и ее было нелегко шокировать. – Вы незаменимый для нашей компании работник вот уже пятнадцать лет, причем десять из них – на посту генерального директора. Мы просто обязаны защищать вас и заботиться о вашей репутации не меньше, чем о своей. И я уверена, что все это крайне неприятно не только для вас лично, но и для вашей семьи.

– Я еще ничего никому не говорил: как только узнал об этом – десять минут назад, – сразу же позвонил вам, – сказал Маршалл, и Конни поблагодарила его за то, что так быстро проинформировал ее.

– Посмотрим, как будут развиваться события, но я думаю, что Саймону нужно быть готовым вступить в переговоры для заключения сделки, если вы на это согласны.

– Я поступлю так, как будет лучше для МОИА, – угрюмо сказал Маршалл, и она, еще раз поблагодарив, пообещала позвонить, после того как переговорит с членами совета директоров.

Почти в бессознательном состоянии Маршалл ехал к своему дому в округе Марин, не представляя, что скажет Лиз. К счастью, Линдсей не было дома: ужинала в гостях у своего приятеля. Когда он вошел на кухню, Лиз с первого взгляда поняла, что случилось нечто ужасное: он с трудом сдерживал слезы, после того как обо всем ей рассказал, разрыдался за кухонным столом.

– Не понимаю, как такое могло случиться. Я никогда даже не разговаривал с этой женщиной, а теперь она утверждает, что у нас с ней были интимные отношения, после чего я ее уволил. Она даже утверждает, что это я взял ее на работу в МОИА. А я вообще едва ее помню. И последнее, чего бы мне хотелось, это причинить зло компании, тебе и нашим детям.

В полном расстройстве из-за происшедшего он плакал в объятиях Лиз. Ему потребовалось полчаса, чтобы взять себя в руки, и тогда она заверила его, что не верит ни одному слову этой женщины.

– Мы переживем это, Марш, чего бы нам ни стоило. Главное, что ты уверен в своей невинности.

Он видел, что она полностью доверяет ему, и это немного утешило. Они сидели на кухне держась за руки, когда позвонила Конни Фейнберг, которая успела переговорить с членами совета директоров.

– Я просто хочу заверить, что мы все поддерживаем вас и сделаем все, что потребуется. Я сама поговорю завтра с Саймоном. И мы пришли к общему согласию, что нужно начать переговоры с этой женщиной как можно скорее и замять это дело без огласки. Не стоит вести себя с ней агрессивно и провоцировать на обращение в прессу.

– Я не знаю, как вас благодарить, – с чувством сказал Маршалл.

Они с Лиз еще поговорили немного о случившемся, пока Линдсей не вернулась домой, после чего поднялись в спальню. Они решили пока ничего не говорить детям, чтобы не расстраивать, тем более если проблему можно решить тихо, так чтобы случившееся не стало достоянием общественности.

Это было самым худшим из всего, что случилось с Маршаллом, и он был в ужасе оттого, что его карьера вот-вот рухнет, а с ней и все его достижения. Он был потрясен и шокирован притязаниями этой женщины. Этой ночью он почти не спал, а проснувшись еще до рассвета, тихо лежал в постели, опасаясь разбудить Лиз, потом все же встал и подошел к окну понаблюдать за восходом солнца.

– Ты уже поднялся? – спросила Лиз, и он, кивнув, тихо сказал:

– Я боюсь.

– Все будет хорошо, – заверила она, подойдя и обняв.

– Я тебя не заслуживаю, – произнес он смиренно.

– О нет, заслуживаешь, – от всего сердца ответила она.

Лиз долго держала его в объятиях, пока не подошло время собираться на работу. Она заверила его, что любит и полностью поддерживает, и он снова поблагодарил ее. И по дороге на работу этим утром, сидя в своем «астон-мартине», Маршалл утешался сознанием того, что совет директоров поддерживает его и доверяет ему. Он знал, что, несмотря на случившееся, ему везет. И единственное, чего он теперь хотел, – это побыстрее покончить с этим делом и забыть о нем как можно скорее.

Глава 7

На этой неделе Маршалл не поехал в Лос-Анджелес. В среду утром, через два дня после того, как узнал об обвинениях Меган Виллерз, он увидел ее с адвокатом в конференц-зале МОИА. Усевшись за стол напротив, она уставилась на Маршалла сверлящим взглядом. Ее адвокат вновь повторил суть обвинений и высказал уверенность в правдивости ее слов. Она не колебалась и, казалось, даже не нервничала, лишь внимательно слушала и утвердительно кивала, причем избегать взгляда Маршалла не пыталась. На встречу она надела обтягивающее черное платье и туфли на высокой шпильке. Она даже не пыталась изображать скромницу и сделала все, чтобы подчеркнуть достоинства своей роскошной фигуры. Выглядела она фривольной и слишком кричаще одетой для утренней деловой встречи, но при всем при этом ей нельзя было отказать в привлекательности. Это была красивая женщина лет тридцати пяти – сорока. После того как снова перечислил все убытки, которые понесла его клиентка в результате увольнения, ее адвокат передал Саймону Стерну конверт из плотной желтоватой бумаги. Адвокат утверждал, что его клиентка закрыла свой бизнес по устройству мероприятий, когда ее приняли в штат МОИА, а после того как уволили, так и не смогла восстановить, а когда начал говорить о нанесенной ей душевной травме, Маршалл сжал челюсти.

Саймон аккуратно открыл конверт и вынул оттуда два письма и копии нескольких электронных посланий, предположительно написанных Маршаллом, с бесстрастным видом прочитал, после чего передал Маршаллу. Все письма были напечатаны на компьютере, и ни одно из них не было подписано.

– Как мы можем знать, что мисс Виллерз не написала все это сама, чтобы ложно обвинить мистера Вестона?

В письмах содержались намеки на проведенные вместе ночи и подробности их сексуальных отношений. Они были чрезвычайно откровенными. После этого адвокат вручил Саймону главную улику – маленький конверт, в котором лежало три фотографии. На двух из них была запечатлена его клиентка в соблазнительных позах, совершенно обнаженная, а снимал ее мужчина, чье отражение можно было ясно разглядеть в зеркале, очень похожий на Маршалла, также обнаженный. На третьей фотографии был также запечатлен Маршалл: обнаженный, лежал в кровати и, судя по всему, спал. Это было бесспорным доказательством, что они находились в интимных отношениях. Саймон молча передал снимки Маршаллу. Ничто не указывало на подделку: они были сделаны хорошей камерой, а не мобильным телефоном, и мужчина, запечатленный на них, был, без сомнения, он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/daniela-stil/igra-v-bolshinstve/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Марта Стюарт – американская телеведущая и писательница, получившая известность и состояние благодаря советам по домоводству. – Примеч. пер.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/daniela-stil/igra-v-bolshinstve-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)